

Книги Юрия Пашковского
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПРОКЛЯТАЯ КРОВЬ. ПОХИЩЕНИЕ
ПРОКЛЯТАЯ КРОВЬ. ПРОБУЖДЕНИЕ
КРУЖЕВА БЕССМЕРТИЯ**

В соавторстве с Алиной Лис
ПТЕНЦЫ ВИНДЕРХЕЙМА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЮРИЙ ПАШКОВСКИЙ,
АЛИНА ЛИС

ПТЕНЦЫ ВИНДЕРХЕЙМА

РОМАН

Москва, 2012

&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П22

Серия основана в 1992 году
Выпуск 786

Художник
С. Шикин

Пашковский Ю., Лис А.
П22 Птенцы Виндерхейма: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 539 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1258-7

Двадцать лет назад война между островным государством Мидгард и континентальной империей Ойкумена завершилась сокрушительным поражением Архипелага. Страны заключили шаткое перемирие. Теперь Мидгард копит силы, чтобы взять реванш. Военная академия готовит пилотов «валькирий» — воздушных боевых машин. Лишь немногие пройдут жесткий отбор...

Альдис и Хельг — первогодки. Чтобы стать лучшими, им предстоит бороться со сверстниками, с хитростью наставников и собственными страхами. Но не все так просто, как кажется на первый взгляд. Кто из сокурсников шпионит для ордена Небесного Ока? Что такое таинственный «берсерк»? Чего хочет добиться Братство Истины? И стоит ли распутывать накрывшую академию сеть загадок, если сам скрываешь от окружающих истинные намерения?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1258-7
© Юрий Пашковский, Алина Лис, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Часть первая

ПРИБЫТИЕ

Альдис Суртсдоттир

Корабль причалил к гавани Йелленвик уже на закате. Это было устаревшее тихоходное судно, построенное почти полвека назад. Не оснащенный даже простеньким механизмом парусник полностью зависел от прихотей ветров и сноровки экипажа. Перед отплытием капитан принес положенные жертвы Ньёрду, и поначалу казалось, что бог прислушался к просьбам смертных. Но в последнюю неделю пакостный морской хозяин решил показать свой нрав. Море штормило все семь дней, яростный шквальный ветер гнал свинцовые волны на штурм пирсов, вновь и вновь окатывая камни клочьями серой пены.

Кораблю повезло: умудренный опытом капитан при первых признаках непогоды направил судно в ближайшую гавань. Экипаж и немногочисленные пассажиры пережидали шторм в сухости и тепле. Вот только дни летели, неумолимо приближался последний срок, и Альдис с тоской вглядывалась в окно, где свинцово-серое небо мешалось с морем.

Во всем была виновата опекунша. Крохотная пассажирская каюта на неспешном почтовом паруснике стоила всего парой солеров дешевле, чем билет второго класса на современном, быстром корабле, но госпожа Ауд терпеть не могла тратить лишние деньги.

Жизнь Альдис весь последний год была подобна туго стянутой пружине гарпунного ружья. Незримая рука все крутила и крутила ручку, преодолевая сопротивление металла. Страхи, надежды, чаяния, месяцы отчаянных тренировок через «не могу», долгие дни молчаливой покорности, обид и унижений непреклонно и неизменно вели к конечной цели.

И теперь из-за скупости тетки все это грозило пойти прахом. В душе рос протест, и только осознание бессмысленности любого возмущения и упреков удерживало девушку от бунта.

Лишь за два дня до окончания срока небо очистилось и выглянуло солнце. Капитан не стал терять времени, каждая

минута промедления приближала выплату неустойки. Весь последний день пути Альдис провела на палубе, вглядываясь в даль.

Она видела не так много городов в своей жизни, и позолоченный закатным солнцем Йелленвик показался ей хоть и чужим, но прекрасным. Белые каменные постройки, серебристые нити канатных дорог, зеленые террасы, широкие мраморные ступени, уводящие от портовых кварталов вверх, в горы — к храмам и дворцам. И море вокруг было чистым. Ни огромных плантаций сине-зеленой лауфары, бурого торрака и других съедобных водорослей, ни огороженных под вскармливание рыбы территорий. Йелленвик — город инженеров и военных, здесь добывают металлы, и прежде всего золото, создают сложные и прекрасные механизмы, но прибрежные воды слишком глубоки для фермеров.

После Акульей бухты Йелленвик казался ожившей сказкой, сошедшим со страниц книг заколдованным городом.

Альдис первой соскочила с трапа на прогретый солнцем камень набережной. Все ее существо стремилось вперед, вверх, на поиски здания министерства, но пришлось ждать, пока эрла Ауд закончит скандалить с капитаном, вымогая компенсацию за задержку. Только когда все пассажиры почтового парусника уже покинули судно и матросы начали разгрузку трюмов, эрла спустилась, торжественно сжимая в одной руке полученный от капитана солер, а в другой — потрепанный саквояж.

— Куда собралась, красавица? — ехидно поинтересовалась опекунша, когда племянница зашагала было вверх по кривой улочке, уходящей в гору.

— Я поищу министерство, если вы не против.

— Милочка, время — девятый час. Надо снять комнату подешевле и ложиться спать.

— Но ведь последний день! — Девушка еле справилась с собой, чтобы не дать эмоциям прорваться сквозь вежливые слова. — А вдруг завтра мы заблудимся? Давайте я разузнаю дорогу.

— Не ной. Никуда без тебя не уедут. Завтра с утра ходим, я тебя терпеть еще год в Акульей бухте не собираюсь.

Альдис стиснула зубы. Сейчас ей казалось, что каждая минута промедления уменьшает ее шансы на поступление. Но надо было слушаться.

«Еще один день, — напомнила себе девушка. — Последний день, и у нее больше не будет надо мной власти».

Они сняли неподалеку от порта простенькую и бедно обставленную комнатуху, в которой обычно останавливались

небогатые купцы, а то и зажиточные фермеры. Перед сном Альдис долго ворочалась, глядя на темно-синюю полосу неба в зоре ставней. Она пыталась представить себе, на что будет похож завтрашний экзамен. Наконец ей удалось задремать под шелест ночного моря.

Здание министерства обращало на себя внимание нарочитой неприметностью. Вход в него находился на задворках, со стороны тупика. Приземистое каменное строение с полукруглыми окошками-бойницами выделялось в окружении изысканно вычурных зданий, как аскет в толпе расфуфыренных кавалеров.

У входной двери дежурили два солдата в парадных черно-белых мундирах.

— Вы куда, госпожа? — поинтересовался один из них — высокий и тощий.

— Не видишь — веду ребенка на экзамен. — Тетка выразительно помахала направлением.

— Боюсь, вы опоздали. — В голосе солдата проскользнуло сочувствие. — «Солнечную сотню» набрали еще неделю назад. В этом году очень много желающих.

Альдис показалось, что мир вокруг покачнулся. В животе все скрутилось в тяжелый, промерзлый комок. Она впиалась себе ногтями в руку, чтобы не закричать от чудовищной несправедливости происходящего.

И чтобы не вцепиться в горло зрле Ауд.

Тетка уже приоткрыла рот, чтобы начать скандалить, когда вмешался второй солдат — смуглый коренастый крепыш:

— Погоди. Ты что, не слышал? Три дня назад объявлен дополнительный набор. Специальным распоряжением выделено еще десять мест.

Облегчение было таким сильным, что девушка разом обмякла и еле устояла на ногах.

— И чего они? — вяло удивился первый. — Ну, проходите тогда, госпожа. Направо по коридору, комната номер двенадцать.

Кабинет был погружен в сонное тепло. Солнце ложилось косыми лучами сквозь узкий оконный проем, и мелкие пылинки плясали в его ярком свете. Негромко капала вода в клепсидре. Чиновник за столом, как и часовой, был одет в черно-белую форменную куртку. Нашивки на рукаве говорили, что он пребывает в звании лейтенанта, а объемное брюшко и

густо присыпанные словно солью баки намекали, что длится это пребывание уже не первый десяток лет. Лицо чиновника хранило выражение вселенской скуки, глаза лениво следили за полетом большой черной мухи. Появление Альдис с опекуншей вызвало у лейтенанта только короткий зевок.

— Чего так поздно-то? — ворчливо осведомился он. — Последний день, вечером отплытие. У нас и экзаменаторы, поди, разбежались.

— Как же я ее в начале сезона повезу? — возмутилась тетка. — Набьют они рыбы без меня, как же!

— Ну-ну, — лениво протянул лейтенант. — Ваше счастье, что Храм просил об увеличении квот и у нас недобор шесть человек. Иначе пришлось бы тебе, красавица, возвращаться обратно.

Альдис поморщилась. Мысль о том, что путешествие могло окончиться ничем и пришлось бы возвращаться в Акулю бухту, была невыносима.

— Ладно, давайте ваши бумаги.

Тетка с готовностью достала тубусы с бумагами.

— Имя?

— Альдис Суртсдоттир.

— Сурт? Дали же боги имечко! Возраст?

— Пятнадцать зим.

— Дочка ваша?

— Племянница, — хмыкнула тетка. — Моего беспутного братца отродье.

— А родители где?

— Умерли.

— Родня по матери?

Тетку передернуло:

— Не из благородных. Рыбаки.

— Ага. Байстрючка, значит? — уточнил лейтенант. Уточнил без презрения, равнодушно и деловито, но девушка все равно вспыхнула.

— Не совсем, — поправила тетка.

— Это как — не совсем?

— Женился мой братец. В Храме, все по правилам. Документы есть. Но в Геральдическую палату не сообщал.

— М-да... — Чиновник поглядел на девушку с сочувствием. — Трудно тебе будет доказать, что не байстрючка. — И, уже обращаясь к тетке: — Вы единственный опекун?

— Да. Вот документы.

Альдис терпеливо ждала, пока чиновник переносил со-

держание документов на официальные бланки и задавал нудные уточняющие вопросы. Рывки от отчаяния к надежде отнимали слишком много сил, незримая рука докручивала пружину на последние обороты. Девушка запретила себе надеяться на удачный исход событий до того, как ступит на берег Виндерхейма, чтобы страх неудачи не лишил ее остатков мужества.

Но лейтенант больше ни к чему не придирался, поставил печать, отдал документы и сообщил:

— Сначала медосмотр в третьей комнате. Потом на экзамен во вторую и на собеседование в шестую.

— Раздевайся, — велела белокурая женщина в форме военного медика.

Альдис покосилась на вторую женщину — невысокую, крепко сбитую, с раскосыми черными глазами. Чжанка или ниронка. Скорее все-таки ниронка — у чжанок лица более плоские. Женщина сидела, вольготно развалившись в кресле, и выходить или отворачиваться не собиралась.

— Чего смотришь? — хмыкнула она. — Привыкай, в армии ломакам не место.

Девушка кивнула и покорно стянула с себя тунику. Попыталась снять штаны. Пальцы скользили по завязкам. Сегодня она впервые надела похожие на юбку широченные штаны, подаренные Такаси на прощание, и с непривычки слишком туго затянула узлы. Альдис умоляюще взглянула на докторшу, дергая проклятые шнуры.

— Да не нервничай ты так, — вздохнула та. — Не съедим.

— Где хакама отхватила, белобрысая? — с беззлой насмешкой поинтересовалась ниронка.

— Это подарок моего учителя. — Противный узел наконец-то поддался, и просторные брюки скользнули вниз.

— Не, ну ты глянь! Сразу видно здорового ребенка. — Ниронке хотелось поболтать.

Докторша только отмахнулась и достала металлическую трубку.

— Так... Дыши. Не дыши. Покашляй...

Альдис не дышала, кашляла, подставляла коленку, дотрагивалась пальцем до кончика носа, вставляла на большие медные весы, напрягала необходимые мышцы.

— Отличные рефлексы, — резюмировала докторша.

— А я что говорю? — снова влезла ниронка. — Чего детей,

как тюленей, на убой откармливать? Тебя драться учили, белобрысая?

— Да, немного. И еще кобудо.

— Ай, молодца!

Альдис почувствовала, как губы сами собой расплываются в улыбке. Ей нравились такие женщины — простые, чуть грубоватые, уверенные в себе. Похожие на мужчин. С ними не нужно играть в странные двусмысленные игры, от них понятно чего ждать. С ними она чувствовала себя как-то... спокойнее, что ли. И пусть поведение ниронки посчитали бы нахальным и недопустимым в приличном обществе, девушке оно было по душе.

— Потом проверю, как учили.

— А вы у нас что-то вести будете?

— Буду, если тесты не завалишь. Три шкуры сдери.

— Кейко, не мешай. Быстрее закончим.

Нудные вопросы о здоровье. Нет, Альдис ничем не болеет. Самочувствие отличное. За последний год? Два раза простудилась. Да, зрение хорошее...

— Что?

— Ты девственница? — терпеливо повторила докторша.

— Ну да, разумеется, — все, что смогла выдавить из себя оторопевшая девушка после паузы.

— Сейчас проверим, пошли за ширму.

— Может, не надо...

— Надо!

— Я не хочу...

— Слушай, это доставит мне не больше удовольствия, чем тебе. Но есть правила. Так что или иди за ширму, или сама разбирайся с нашими бюрократами.

От альтернативы в виде возвращения к сонному лейтенанту и разговора с ним на эту щекотливую тему Альдис почувствовала тошноту.

— Кто с мамашами, за тех родительницы все утрясают. Не повезло тебе, подруга, — прокомментировала ниронка.

— Я устала наблюдать эту сцену каждый день в кабинете, Кейко.

— Да ладно тебе, подмахни бумагу. По глазам вижу, что не врет белобрысая. Не врешь ведь?

— Не вру! — Альдис горячо закивала. Неужели отвратительной процедуры удастся избежать?

— Тебе же хуже, если врешь. Медосмотр каждый год, за такие дела гауптвахтой не отделаешься.

— Кейко, я не буду нарушать инструкцию. Если хочешь, сходи с ней и поскандаль.

— Вот еще!

— Тогда, — докторша снова перенесла внимание на Альдис, — иди за ширму. И привыкай — это обязательная процедура. Больно не будет.

Больно не было — было противно.

Экзамены показались ей пустяковыми. Усталый и равнодушный преподаватель задал несколько задач по математике. Альдис такие еще два года назад как орешки щелкала. Вопросы по географии и истории, на которые и десятилетние дети ответят. Она до последнего ожидала какого-то подвоха, боялась, что он специально усыпляет ее внимание, чтобы потом подловить, и поэтому страшно волновалась.

На собеседование девушка шла в приподнятом настроении: все преграды пройдены, оставалась чистая формальность. Она будет учиться в академии! Она стремилась к этому почти год. Восемь месяцев интенсивной, яростной подготовки, зубрежки, изматывающих упражнений. Отец сказал: «Ты сможешь. Ты же моя дочь».

Она сможет. Она прославит свой род, и тогда никто не посмеет назвать ее полукровкой.

Дверь в шестую комнату была приоткрыта. Альдис просунула голову в щель.

— Заходи, дитя, не стесняйся.

Внутри сидел храмовник, и поначалу Альдис даже обрадовалась. В самом Храме Солнца ей бывать не приходилось, в Акульей бухте рыбаки хранили верность старым богам. Но отца Джавара из ордена Блюстителей на острове любили и уважали — он был добрым человеком.

Только на середине комнаты девушка обратила внимание на небесно-голубые одежды храмовника и вышитый на мантии треугольник с глазом в центре. О нет! Орден Небесного Ока! До этого она видела такие символы только на картинках.

— Садись, милая, не бойся меня. — Храмовник уловил ее нерешительность и доброжелательно улыбнулся.

У него было мягкое, незапоминающееся лицо и очень светлые, почти белые брови. От висков к затылку через короткий ежик соломенных волос тянулись две чисто выбритые полоски загорелой кожи. Альдис устала на них, не в силах скрыть любопытство. Она плохо разбиралась в сановой атрибутике, но загар говорил о том, что *снуртинг* — посвящение в жреческий сан — храмовник прошел давно.

— Садись же. Можешь называть меня отец Гуннульв. Я хочу немного узнать о тебе, Альдис. Тебя ведь зовут Альдис? Посмотри на меня, дитя.

Она с трудом оторвалась от изучения прически храмовника, понимая, что ведет себя не совсем прилично, пристроилась на краешке стула и посмотрела ему в глаза.

Глаза были внимательные, изучающие. Глаза акулы, глаза вивисектора. Альдис с внутренним холодком осознала, что вот он — настоящий экзамен. Не учитель, не докторша и не чиновник, но только этот и именно этот человек будет решать, достойна ли она стать пилотом. Достойна ли повелевать летучим великаном-турсом — волшебным механизмом, даром Бога-Солнца.

— Расскажи про себя, Альдис, — сказал храмовник. Голос у него был удивительный — густой, звучный, вкрадчивый.

— Меня зовут Альдис Суртсдоттир. — Звук собственного голоса показался ей каким-то чужим и слишком детским. — Я из Акулей бухты.

— Это далеко?

— Полторы недели на кнорре. Или две с половиной под парусом. Если погода будет хорошая.

— Ты родилась там?

— Нет. Я родилась и жила с отцом в Фискобарне.

— Почему?

— Мой отец не ладил с эрлой Ауд — это его сестра, моя тетя.

— Почему?

— Дед завещал Акулю бухту тете. Из-за того, что отец женился на маме.

— Расскажи, чем вы там занимаетесь?

— Я ходила бить рыбу. По вечерам отец учил меня, потом нанял учителей.

— А твоя мама?

— Она умерла, когда я была маленькой.

Заданный храмовником ритм вопросов завораживал. Девушка поняла, что теряет концентрацию, и ущипнула себя.

— Ты любишь свою тетю?

Альдис помедлила. Будь перед ней обычный храмовник, она могла бы солгать. Дети должны почитать и любить своих опекунов — это угодно Богу-Солнцу.

Что-то внутри подсказало, что отцу Гуннульву врать не стоит.

— Нет, — призналась она. — Не люблю.

— Ты ненавидишь ее?

— Скорее она ненавидит меня. Я не знаю за что.

— А ты?

— Я просто хочу быть от нее как можно дальше.

— Значит, ты хочешь поступить в академию, чтобы сбежать от тетки?

— Нет! — Она осеклась, испугавшись своего яростного протеста.

Говорят, душеведы могут узнать о человеке все что угодно, просто поговорив с ним достаточно долго. Можно ли переиграть храмовника? Как глубоко готов он залезть в чужую душу и что нужно сделать, чтобы скрыть от него самое сокровенное, самое важное и болезненное?

— Чтобы сбежать от эрлы Ауд, не нужно поступать в академию, отец Гуннульв. У меня есть другие родственники. Я хочу быть пилотом. Очень хочу. Я год готовилась.

— Успокойся, дитя. Не надо нервничать, я тебя не обижу. Лучше скажи...

Голос у храмовника был ласковым, на тонких губах играла теплая, чуть рассеянная улыбка. Он весь излучал внимание и симпатию. С ней никто не был так ласков уже очень давно. Но все это было только ширмой, а глаза не лгали. Пытливый, ищущий взгляд после каждого вопроса — храмовник словно что-то пытался нащупать, проникнуть в душу Альдис, разобрать на части и посмотреть, как она устроена. Расслабляться было нельзя.

— ...потому что я обещала отцу, что поступлю в академию и стану пилотом. Такаси учил меня кобудо и кэмпо. Но у меня плохо получалось...

— А почему плохо?

— У нас было всего шесть месяцев, а Такаси любит повторять, что к мастерству идут всю жизнь....

Вопросы вежливые, вопросы нейтральные, вопросы-ловушки... Храмовник плетет сеть из вопросов, как паук паутину. О чем ты мечтала в детстве? С кем дружила? Что ты больше всего любишь? Чего боишься? Мягкий, вкрадчивый голос, пытливые голубые глаза. Храмовник что-то ищет в Альдис. Отворачиваться нельзя, нельзя закрываться, нельзя паниковать, ее защита — это наивность и спокойствие.

— Почему ты боишься меня, дитя?

— Потому, что моя судьба и жизнь в вашей власти. Я чувствую себя беспомощной.

— Тебе не нравится это чувство?

— Не нравится. Слишком часто мне приходится его испытывать.

Время остановило свой бег. Осталась только эта комната, остался улыбчивый мужчина и вопросы, вопросы, вопросы...

— Значит, ты хочешь выполнить последнюю волю своего отца?

— Да! И еще я хочу послужить своей стране!

Что-то очень личное прорвалось сквозь все препоны, которые воздвигла Альдис в своем сознании, и храмовник откинулся на спинку стула. Паук доволен, он поймал жирную муху в свои сети.

— Ты хорошая девочка, Альдис, и хорошая дочь. Из тебя получится славный солдат.

Девушка кивнула, чувствуя, как наивно-глуповатая улыбка прилипает к губам — не отдерешь. Что сумел увидеть храмовник-душевед? К чему были все эти вопросы? Не ляпнула ли она чего-то такого, за что потом придется расплачиваться?

— Можешь вернуться в двенадцатый кабинет. — Храмовник подписал зачетный лист. — Там оформишь бумаги. Увидимся на Виндерхейме. — Он успокаивающе улыбнулся, а Альдис снова кивнула, как чжанский болванчик.

Только когда за спиной захлопнулась дверь, она позволила себе выдохнуть и взглянуть в полученные бумаги. Куча врачебных пометок и замечаний, понятных только специалисту, пятерки по всем экзаменационным предметам. Напротив графы «собеседование» стояло одно слово «одобряю», написанное мелким, убористым почерком. Это слово означало, что Акуля бухта осталась позади. Позади серые скалы, поросшие низкими деревцами, неласковое северное солнце, острые плавники, режущие ровную гладь воды. Позади мелочные придирки эрлы Ауд, вонь рыбьих потрохов, занятия с Такаси. Впереди небо, свобода и великаны-турсы, послушные ее воле.

Только царапало слегка, на донышке души, воспоминание о записях, которые вел душевед-храмовник во время разговора. Но Альдис решила не думать на эту тему. Сегодня ее праздник, и ничто не сможет его испортить.

Экзамены заняли чуть больше трех часов, поплавок в клепсидре успел подняться только на три с половиной деления, но обстановка в кабинете разительно поменялась. Документы были сдвинуты в сторону, в центре стола красовался пузатый медный чайник, рядом на блюдечке лежало несколь-

ко рогаликов. Чиновник и тетка прихлебывали чай из больших металлических кружек с клеймом министерства на боку. Глаза опекунши блестели, вечно недовольная складка около губ разгладилась, и даже на желтоватых обветренных щеках откуда-то появился румянец. Альдис остановилась в дверях и перевела подозрительный взгляд с опекунши на лейтенанта. Тот выглядел слишком уж довольным для человека, которому пришлось провести больше двух часов в обществе тетки Ауд.

— ...тогда я ему говорю: «Дорогуша, акула и должна быть тухлой», — завершила свой рассказ тетка и тонко захихикала. Ее смеху вторил басовитый хохот чиновника.

— Я закончила, — намеренно громко сказала Альдис. Ей ужасно хотелось добавить какую-нибудь колкость, чтобы хоть немного отплатить тетке за месяцы подколок и издевок. Устоять перед соблазном теперь, когда ее жизнь больше не зависела от эрлы Ауд, было необычайно тяжело, но девушка сумела сдержаться.

— А! Вот и ты! — Показалось или тетка действительно смутилась? — Быстро как-то. Провалилась?

— Нет!

— Тогда давай бумаги. — Чиновник тоже выглядел слегка смущенным, как воришка, застигнутый на месте преступления. — Мы это... соседи почти. От моего родного фордора до Акульей бухты всего четыре часа плыть, — пояснил он, словно извиняясь за неуместное чаепитие.

— А что это вы тут делали? — Девушка постаралась, чтобы вопрос звучал невинно и по-детски.

— Глаза разуй. Чай пили, — фыркнула эрла Ауд. Она уже вполне взяла себя в руки, виноватой себя не чувствовала и даже несколько напояз улынулась толстенькому лейтенанту, что решительно не понравилось Альдис.

— Я скоро домой поеду. Мне пятьдесят в следующем году. Заеду, соседей навещу, — продолжал вслух размышлять чиновник, делая пометки.

Эрла Ауд благосклонно кивнула, и Альдис снова еле сдержалась, чтобы не сказать какую-нибудь гадость. Чаепитие, перемигивания, теперь он еще и в гости собирается... Всеотец, ну почему тетка осталась ждать в кабинете? Почему лейтенанту вздумалось угощать ее чаем? Вернуться в Акулю бухту на каникулы через десять месяцев и обнаружить, что толстяк стал ее опекуном! Ну уж нет!

— Вот и все. — Лейтенант поставил на гербовой бумаге оттиск и протянул эрле Ауд. — «Морской змей» отбывает с

третьего причала за час до заката. На борту быть не позднее чем за полчаса до отплытия.

Встревоженная Альдис наблюдала за излишне теплым прощанием тетки и чиновника. Эрла Ауд еще не так стара, ей едва исполнилось сорок. Пусть тетка даже в молодости не блистала красотой, но и лейтенант мало похож на сына конунга. Вряд ли он будет очень разборчивым.

— У него половины зубов нет. И волосы сальные, — высказалась она сразу после того, как захлопнулась дверь кабинета.

Нет, ну конечно, пытаться отвадить тетку подобным образом от лейтенанта — просто глупо. Ответным взглядом эрлы Ауд можно было заморозить всю воду в гавани Йелленвик до дна.

— Тебя не спрашивали, — отрезала опекунша. — Поговори мне еще. Давай, шевелись быстрее.

— Куда мы идем?

— На рынок.

«Ах да!» — вспомнила Альдис. Тетка, как всегда, собиралась уложить одним гарпуном сразу несколько рыбин. Пахучие южные специи, тонкие и легкие ткани для праздничной одежды, изысканные духи и прочие праздные мелочи стоили в Йелленвике много дешевле, чем в Акульей бухте или на прилегающих островах. Эрла Ауд не была бы собой, если бы не запаслась товарами. У нее было выкуплено несколько ячеек на грузовом кнорре, и можно не сомневаться, что все места для своего багажа она набьет под завязку.

— Ну, пошли уже. Чего встала?

— Я хотела бы посмотреть город. Вы же обещали, что мы его увидим.

— Не будь душой! — Тетка начала кипятиться. — Пока ты возилась, полдня прошло, а завтра с утра кнорр уплывает. Сама видишь — поздно приплыли.

— Я не пойду!

— Пойдешь как миленькая. — Опекунша выразительно помахала в воздухе гербовой бумагой. — Или поплывешь обратно.

— Вы не посмеете.

— Еще как посмею. Это научит тебя хорошим манерам. — Тетка сделала вид, что собирается разорвать бумагу на две части. Альдис издала полузадушенный крик.

— Знаешь, мне даже очень хочется это сделать, чтобы проучить тебя — наглая, невоспитанная девчонка, — продолжала Ауд.

— Но так нельзя! Вы же обещали!

— Ты тоже кое-что обещала. Помнишь?

Альдис помнила. Послушание. Она клялась быть послушной и не доставлять проблем.

Отец на прощанье сказал: «Не высовывайся. Никогда не высовывайся, будь как все». Альдис плохо умела «быть как все», но старалась изо всех сил. И еще он сказал: «Будь вежлива и слушайся взрослых». Ох, знал бы он, как тяжело быть вежливой с эрлой Ауд...

Альдис научилась. Так было надо. Надо было быть тихой, послушной, и она стала такой. Надо было молчать в ответ на упреки, и она молчала. Надо было выполнять не всегда приятную, временами грязную работу, недостойную знатного человека, и она выполняла. Она знала слово «надо», она обещала.

Но изменить свою сущность Альдис была не в силах, и безмолвие стало для нее крепостью, а равнодушие — оружием, осудить и наказать за которое невозможно. Эрла Ауд хорошо умела читать эти немые знаки, и они только усиливали раздражение, которое испытывала женщина от присутствия юной девушки в своем окружении. Игра в злую мачеху и бедную сиротку началась почти с первого дня. Если бы Альдис покорилась, признала главенство тетки, ее силу и власть, жизнь девушки стала бы много легче. Но уступить было равносильно полному самоотречению.

Даже в сказках бедные сиротки побеждают потому, что злая мачеха не смогла уничтожить в них остатки самоуважения.

Эрла Ауд была изобретательна в этой войне и праздновала победу всякий раз, как ей удавалось вывести Альдис из себя. И да, она могла бы разорвать бумагу и навсегда закрыть для Альдис путь в академию просто из желания в очередной раз уесть «маленькую гордячку».

— Так нечестно, — с тоской сказала девушка. — Я ведь тоже человек.

— Ой, вот не надо мне тут вселенскую драму разводить! Город как город, насмотришься еще за пять лет. А мне нужна помощь.

Альдис прощалась с Йелленвиком, стоя на палубе «Морского змея». Город так и остался непознанной сказкой. Она вернется сюда почти через год, но тогда все будет по-другому. И Альдис станет совсем другой.

Граница. Прошедший год лежал как на ладони. Прощание с отцом, тренировки на грани возможностей, изматывающие

душу и тело, знакомство с эрлой Ауд, серые скалы Акульей бухты, единственный друг — Такаси, и снова тренировки, тренировки, тренировки...

Незримая пружина в душе раскручивалась, выпрямлялась, ослабляя почти непереносимое давление. Не было сожалений. Все было не зря, и было так, как надо.

Кнорр отходил от причала на одних парусах, раскинув золотые весла-крылья. Он с разбега разрезал носом волны и был похож на гордую морскую птицу, готовящуюся взлететь. Вот «Морской змей» вышел из гавани, и рулевой развернул его почти навстречу ветру. Потом внизу, в трюме, что-то закричало, затряслось, опали белые покрывала парусов, золотые весла единым слаженным движением вошли в толщу воды, и корабль поплыл-полетел. Легко и плавно опускались и поднимались неутомимые весла, ведомые сложным механизмом, а ветер полоскал косички Альдис и рвал крики чаек в клочья.

Хельг Гудиссон

Лис проснулся. Поморщился, недовольно оглядываясь. Что его разбудило? Йотунство! Он так хорошо спал, и ему ничего не снилось. Вернее, он так хорошо спал, потому что ему ничего не снилось. Отличное времяпровождение, между прочим. Уставший разум не тревожат таинственные образы, спешащие обратиться в многозначительные символы, да и реалистическое сновидение с его каруселью знакомых и незнакомых людей не мешает отдохнуть. Несомненно, лучший сон — никаких снов.

Изменившийся шум двигающих корабль механизмов подсказал, где искать причину. Хельг заснул под похожие на мурчание кота звуки движителя, но резкий треск подрубленного дерева, падающего на землю, мог разбудить кого угодно.

Иггдрасиль рухнул, не меньше.

Дерева, разумеется, не было. Был лишь движитель.

Хельг потянулся, зевая, и недовольно покосился на огромное устройство, состоящее из движущихся шестеренок, надувающихся и сдувающихся шлангов, катящихся по трубкам шариков и комбинирующихся друг с другом кристаллов. В самом центре агрегата располагалась стеклянная трубка, в которой билась, словно живая, пурпурная электрическая дуга. От трубки к стенам тянулись цепи, по которым то и дело проскакивали искры, похожие на больших краснокрылых бабочек с южных островов Архипелага. Однако стоит прикоснуть-

ся к скользящей по цепи бабочке, желая полюбоваться ею поближе — и острые клыки боли вопьются в тело от макушки до пят.

Хельгу хватало ума не проверять свое предположение.

В конце концов, свое прозвище он заслужил не просто так. Альгирдас хоть и та еще скотина, но он сразу заметил, когда младший брат изменился.

— Да ты, я посмотрю, стал хитер, как лис, — сказал он задумчиво, совсем по-другому глядя на Хельга.

Так и прилепилось. Даже мать и та Лисом назвала пару раз. А уж прислуга, такое ощущение, забыла, что его Хельгом зовут. Разумеется, слуги называли Лисом только за глаза. А так «молодой господин» да «молодой господин». Только Стейнмод смеялся и дразнил Лисенком, говоря, что до настоящего Лиса Хельгу еще расти и расти.

Движитель фыркнул, словно недовольная морская лошадь, и начал чихать. Корабль замедлял ход. Значит, «Морской змей» подходит к берегу.

К берегу Виндерхейма.

Так в свое время драккар Харальда Скаллаграмссона подошел к бхатскому острову, навсегда разделив историю Архипелага на «до» и «после». До великого обретения турсов в подарок от Всеотца первым конунгом на далеких южных островах и после провозглашения Объединения.

Ну вот, начинается. Начинается новая игра, надевается новая маска, готовится новый образ. Сейчас необходимо избавиться от эмоций и подчинить все разуму. Анализ, классификация, синтез. Использование полученной информации на полную катушку. Он должен смотреть и думать, слушать и понимать, стараясь никак не проявлять своего отношения к происходящему. Вот только Ульд и Свальд...

Хельг поморщился. Пускай предстоящее ему не нравится, но оно неизбежно. Уже хорошо, что Свальд не сумел отыскать его раньше времени. Наверняка этому здоровому лбу даже и в голову не пришло искать Лиса в машинном отделении. А если даже и пришло, то он точно сразу попался на глаза спящим по отделению матросам. Хельг умел прятаться, отыскивая незаметные закоулки, а вот за остальными парнями и девчонками, плывущими на корабле, такого умения он не заметил. Хотя Лис, конечно, видел не всех, но достаточно, чтобы создать впечатление о нынешнем наборе в академию.

Впечатление так себе. Чада мелкопоместных эрлов шумны и наивны. Дети Дольних Домов внимательны и задумчи-

вы. Отпрыски Горних Домов горды и недалеко. Лис бы всех вымел с кнорра поганой метлой, будь на то его воля. Послушать только их разговоры! Хвалятся друг перед другом подвигами предков, корчат из себя чуть ли не самого Харальда Великого, направляющегося на юг. Боги неба, земли и моря, они просто не понимают, куда направляются. Они совершенно не представляют, что такое академия!

«А ты представляешь? — спросил Хельг себя. И ответил: — Надеюсь, что представляю...»

Военная академия имени Харальда Скаллаgrimссона, первого конунга Мидгарда и, согласно учению Храма, сына Бога-Солнца. Открыта двадцать лет назад, спустя два года после унижительного поражения в войне с Ойкуменой. Принимает только отпрысков Домов и эрлов — последних лишь благодаря особым привилегиям, полученным еще от Харальда Великого. Готовит первоклассных пилотов «валькирий», в первую очередь «Молнии», «Молота» и «Бури». Есть еще училища, выпускники которых допускаются к управлению грузовой «Колесницей» и простенькой «Пирамидой», но именно первые три «валькирии» являются основой военно-небесных сил Мидгарда.

Двадцать два года назад именно профессиональных пилотов не хватило Архипелагу для победы над Континентом. Храм Солнца незадолго до вторжения в Ойкумену нашел Солнечные Диски — машины древних людей, живших в гармонии с богами, мощные летательные аппараты, на основе которых жрецы создали первые прототипы «валькирий», быстро запущенных в производство Гильдией инженеров. Как тогда говорили: дар Всеотца, подарок Бога-Солнца Мидгарду. Дар, за который следовало отплатить победой над варварами, живущими за Северным Обрывом, преодолеть которых с помощью «валькирий» оказалось довольно легко. Морские суда не могли пройти по кишасшим опасностями полуночным владениям Ньёрда, которые до сих пор несли на себе печать Катаклизма, но при сопровождении летательных машин это оказалось проще простого. Сначала были уничтожены наиболее крупные близлежащие гнезда чудовищ Северного Обрыва. Далее последовал десант на побережье Континента и победный ход армии конунгата. Полгода побед — а затем паническое бегство, когда битва на Кесалийской дуге завершилась полным разгромом воздушного флота Мидгарда, посланного в поддержку застрявшей в сражениях с противником наземной армии.

Тогда в пилоты брали любого военного. Только Солнеч-

ные Диски доверили мэйджорам Горнего Дома. Месяц подготовки — и новоявленных водителей «валькирий» посылали на фронт. В Мидгарде царил эйфория, вызванная легкими победами над Ойкуменой, и мало кто предполагал, что богоизбранный конунгат проиграет в войне.

Однако проиграл. Проиграл, потеряв девять десятых турсов в битве на Кесалийских полях. Проиграл, в панике бежав с Континента. Проиграл, подписав мирный договор и соглашение о сотрудничестве с Ойкуменой, предварительно выплатив немалую репарацию.

Непрофессионализм водителей «валькирий» объявили основной причиной поражения в сражении при Кесалийской дуге, когда плохо обученные пилоты не сумели скоординировать свое наступление с действиями наземной армии. В этой битве Мидгард потерял все пять Солнечных Дисков, и семьи водителей, сгинувших вместе с машинами древних, лишились дворянства, военных званий и земель, превратившись в бесправных трэллов. А спустя полтора года открылась военная академия, цель создания которой конунгат пафосно обозначил как «подготовку истинных воинов небес».

Около сотни юношей и девушек в возрасте пятнадцати лет каждый год поступали в академию. Спустя пять лет только двадцать из них получали чин лейтенанта и право водить «валькирию». Споткнувшись о количество, конунгат решил брать качеством. С другой стороны, Мидгард обязался соблюдать обоюдный договор об ограничении военных сил. Лишить конунгат права защищать своих граждан от порождений моря Мрака и Северного Обрыва Ойкумена не решилась, но цифра в двадцать пилотов вполне устраивала основное государство Континента. По сравнению с армадами, которые были уничтожены над Кесалийскими полями, это была сущая мелочь.

Хельг улыбнулся. Официальные версии и окутавшие войну с Ойкуменой не менее официальные легенды он знал чуть ли не дословно. Не зря же проводил время в библиотеке отца, где можно было найти такие документы, что историографы Мидгарда схватились бы за сердце, узнай, как Хельг беспечно разбрасывал их по полу, отыскивая нужную ему книжку.

Да, война с Ойкуменой, а еще больше поражение изменили Мидгард. Архипелаг словно погрузился в спячку, не торопясь просыпаться. Военная карьера, ранее считавшаяся в Мидгарде самой престижной, вдруг начала уступать позиции дипломатической и — кто бы мог подумать?! — купеческой.

Большинство майноров Домов шли на службу в армию, лишь малая часть стриглась в послушники Храма или занималась наукой, но контакт с Континентом открыл новые перспективы. Карьера искусных дипломатов, романтика шпионских приключений, захватывающие дух авантюры на Континенте — это стало привлекать майноров больше, чем служба в армии или постижение духовных истин. Что уж говорить об эрлах и бондах, повально принявшихся возить мидгардские товары в Ойкумену и обратно.

Храму Солнца все это очень не нравилось, некоторые иерархи в определенных кругах даже высказывались в том ключе, что такой поворот событий не входит в планы Всеотца, но открыто выступать против политики нынешнего конунга, решившего мирно ужиться с северо-западным соседом, никто не смел. Тишком, по углам, оглядываясь за спину — так могли. В открытую побаивались. Потомок Бога-Солнца все-таки.

В конце концов, потеря Солнечных Дисков — вот это уж точно не по нраву Всеотцу. А ведь о необходимости послать дар Всеотца в самую гущу битвы больше всего вопили храмовники, неистово уверовавшие чуть ли не в бессмертие каждого солдата Мидгарда. Вопили, вопили, ну и довопились. А пострадали в итоге семьи, по сути-то и не имевшие никакого отношения к Дискам. Отбор пилотов к машинам древних проводили сами храмовники. И сами же потом этих пилотов посмертно и осудили.

«Неисповедимы пути Всеотца, но не слуг его», — с ухмылкой подумал Хельг, окончательно проснувшись. Парень выполнил несколько физических упражнений, изгоняя остатки сна и разминая мускулы. Виндерхейм ждет. Сбор информации, напомнил Хельг себе. Следить и сопоставлять. Вот чем он сейчас должен заниматься. Проявлять себя как можно меньше... хотя скоро придется себя проявить чуть ли не с салютом и фанфарами. Хельг улыбнулся. Ульд, Свальд, я готов. А вы — нет.

Он осторожно обогнул движитель, направляясь к двери, ведущей в коридор, и прислушался. Тишина. Хельг выскользнул в коридор, стараясь держаться в тени. Никого не было. Отлично. Стараясь оставаться незаметным, Лис поспешил к выходу на палубу.

С высоты птичьего полета академия наверняка впечатляла. Об этом Хельг подумал еще до того, как «Морской змей» пристал к причалу. Когда Лис спускался по трапу корабля, то только убедился в своей правоте.

Виндерхейм, один из четырех островов, на которых расположилась военная академия имени Харальда Скаллагримссона, встретил «Морского змея» грохотом бродивших по порту турсов.

Боевые машины типа «Дварф» использовались как грузчики. Железные гиганты, скрежеща и лязгая сложными механизмами, переносили с массивного длинного кнорра в двухэтажный склад огромные ящики. Хельг, видевший «Дварфов» полностью снаряженными, пусть и для военных парадов, смотрел на «эйнхерии» не так, как остальные. Парни и девчонки глазели на турсы с восторгом и трепетом. Даже отпрыски Горних Домов. Фамильными «валькириями» обладают только наиболее отличившиеся перед конунгатом знатные семьи, большинство сыновей и дочерей аристократов могли быть знакомы только с наземными «эйнхериями», а эрлы так вообще впервые видели боевые машины Мидгарда. Конечно, во время плавания можно было услышать, как некоторые хвастаются, что уже водили турсы, но сейчас даже они заворуженно следили за неторопливым ходом «Дварфов».

Прямо со склада тянулась канатная дорога в сторону единственной на Виндерхейме горы. С виду неприступная, гордо царапающая голубой бархат небес верхушкой гора была осыпана постройками, а струи дыма, текущие с аэродромов, окутывали ее сизым плащом.

Туда-сюда спешили люди. Некоторые отдавали на ходу приказы, другие бросались приказы выполнять. Несколько старшекурсников стояли неподалеку от работающих «Дварфов», переговариваясь и смеясь. Прибывших новобранцев они старательно игнорировали, однако у Лиса четко возникло ощущение, что старшие неотрывно следят за новым набором.

И вот как раз курсанты заинтересовали Хельга куда больше, чем турсы. Старше новичков всего лишь на три-четыре года, но впечатление от них, как от взрослых. И дело даже не в том, что они рослее и крепче — при взгляде на старшекурсников возникало чувство *зрелости*. Они выглядели уверенными в себе, в каждом их движении скользила сила, упругая вязкая сила, зримая не потому, что старшие хотели ею покичиться, а потому, что она просто есть. Можно было не сомневаться: они твердо знают, чего хотят и что получают от жизни.

Неплохо, неплохо. Хельг улыбнулся. Один этот вид стоил того, чтобы поступить в академию. «Впрочем, — подумал Лис, — в мире все имеет свою цену. Даже такой вид. Инте-

ресно, чем пришлось им расплатиться? А еще интереснее: чем придется расплатиться мне?»

Трое жрецов Храма Солнца, в официальных желтых сутанах ордена Святого Знания, появились со стороны разгружаемого кнорра. Несколько старшекурсников подошли к ним, испросили благословения. Жрецы осенили их кругом с крестом внутри — символом Бога-Солнца. Завязался оживленный разговор, старшекурсники принялись о чем-то спорить с храмовниками, размахивая руками, а те благосклонно выслушивали и доброжелательно отвечали, не обращая внимания на разницу в возрасте и статусе.

Оглушительный свист заставил Хельга и весь остальной набор задрать головы. Ткань небес, исполняя сложное построение, прорезали «валькирии» типа «Молния». Их вытянутые хищные формы, стремительный полет и замысловатая небесная пляска, их близость в конце концов заставили Хельга осознать, что он уже не дома. Что он уже вне своего рода и своего титула. Такое количество турсов можно встретить только в гарнизонах на границах Мидгарда с морем Мрака и Северным Обрывом. Но тут, в академии, они используются даже как рабочие машины, и это, понял Лис, вполне вписывается в здешние порядки.

Человекоподобные «эйнхерии» и птицеподобные «валькирии». Могучие боевые машины, сила и мощь которых создали Мидгард. Элитные войска Объединенного Архипелага, заставлявшие в ужасе дрожать врагов конунгата. А здесь, в академии, обычные машины. И с сегодняшнего дня Лис и еще около сотни парней и девчонок будут учиться управлять этими машинами. Чтобы стать элитой, которая продолжит гордо нести знамя Мидгарда. Чтобы стать частью повседневности, где «эйнхерии» и «валькирии» находятся просто рядом — протяни руку и уткнешься в горячую броню.

Хельг расплылся в улыбке от переполнивших его чувств. Ему здесь нравилось! Ему здесь очень нравилось!

От сильного удара в челюсть Лис чуть не упал. Он успел заметить, как Свальд появился справа, но не успел отреагировать. Впрочем, *сначала* Хельг и не должен был реагировать.

Лис улыбнулся. Потер занывшую от удара скулу, сплюнул под ноги и успел отметить, что слюна перемешалась с кровью из разбитых губ. А потом его снова ударили. Но в этот раз Хельг успел ударить в ответ.

Драка была нечестной. Крепкий Свальд Вермундссон, на голову выше Хельга, и худющий Ульд Сварссон, одного с

Лисом роста, напали на него одновременно. Ульд старался подобраться сзади, ударить в спину. Свальд, атакующий так, чтобы и успеть ударить, и сразу уйти от контратаки, несомненно, пребывал в ярости, иначе бы не позволил Сварссону вмешаться в драку. Ведь когда Свальд терял голову от ярости, то почти ничего не замечал вокруг, точно легендарный берсерк. К такому выводу Хельг пришел к концу первого дня на «Морском змее», когда увидел, как Вермундссон чуть не набросился на матроса, рассказывавшего товарищам анекдот о Доме Огня. Не окажись рядом сержант Хрульг, неизвестно, чем все могло закончиться. А так старина Вальди положил руку на плечо Свальда и утащил подальше. Успокаивать. Как — неизвестно, но на следующий день Вермундссон разгуливал по палубе тише воды ниже травы. Спокойный и умиротворенный.

Ульда Лис выбрал из-за комплексов этого нескладного парня. Можно было только удивляться, как он вообще с таким набором неуверенности, разочарований и обидчивости прошел экзамены.

А бил Вермундссон от души! Силушкой Бог-Солнце не обидел майнора Дома Огня. Таких крепышей, как Свальд, обычно готовят водить «Ярость» — «эйнхерий» с прыжковыми механизмами, где требуется недюжинная физическая сила, чтобы сбалансировать прыжок турса. Такие, как Свальд, редко управляют «валькириями», их место — на земле, в гуще боя, а не в небе, где мчится Дикая Охота и странствуют боги...

Левый глаз уже начал заплывать, ныла разбитая губа, живот будто взорвался, но Хельг еще мог стоять. Это хорошо. Это по плану. Правда, оказалось больше, чем Лис ожидал. Но ничего. Бывало и хуже, знаете ли. Он привык терпеть и не такое.

Остальные новобранцы не вмешивались. Вокруг избиваемого образовался полукруг, границы которого очертили не собиравшиеся вмешиваться парни и отворачивающиеся, но то и дело с интересом поглядывающие девчонки. Три дня вместе на «Морском змее», но все равно они чужие друг другу.

«Валькириями» будут управлять только лучшие. Мусор — отсеется.

Никто не хочет оказаться мусором.

Хельга удивили только старшекурсники. С того места, где они стояли, драку можно было увидеть хорошо. Но они резко потеряли интерес к новичкам и вообще, кажется, принялись во что-то играть...

Бац!

На миг в глазах Хельга потемнело. И на мгновение он подумал о том, какой же он дурак, ведь в академии он должен завести друзей, учиться, играть, веселиться, а не вот так вот глупо получать в морду в первый же свой день здесь...

Бац!

Следующий удар привел Хельга в себя, в глазах прояснилось. Ощерившийся Ульд заносил кулак для нового удара, а во взгляде Свальда трезвый рассудок и удивление начинали теснить ярость.

Это военная академия имени Харальда Скаллаgrimссона. Здесь выбирают лучших из лучших, не обращая внимания на то, кто ты есть. Здесь всем плевать, кем ты был раньше. Здесь всем плевать, к какому Дому ты принадлежал до поступления и принадлежал ли вообще. Стейнмод, помнится, сказал, что даже последний крестьянский сын, попади он чудом в академию и прояви недюжинный талант к управлению «валькириями», будет почитаться больше, чем член семьи конунга.

Что ж, если здесь надо стать лучшим, Хельг станет лучшим. Он соберет лучшую команду бойцов, несмотря ни на что! И Мидгард содрогнется, когда узнает, на что он, Хельг Гудиссон, способен!

Лис стиснул зубы. И рухнул на колени, сжался. Свальд возвышался над ним, точно турс над пехотинцем. Ульд засмеялся отрывисто, будто выплевывая смех из себя. Ему, наверное, нравилось видеть поверженного и униженного Хельга. Наверняка Сварссон воображает, как будет рассказывать другим о *своей* победе. Его, так самозабвенно радующегося, можно было даже пожалеть. Не часто, видимо, ему доводилось побеждать. Но Хельг никого не собирался жалеть.

Перед тем как упасть на колени, Лис успел заметить, что сквозь толпу новобранцев пробирается наставник, судя по голубому мундиру и знакам различия.

Времени оставалось мало.

Хельг быстро вытянул руки вперед, обхватил лодыжки не ожидавшего этого Свальда. Резко дернул на себя и вверх. Свальд упал красиво, точно подбитый «Разрушитель». Хельгу даже показалось, что дрогнула земля.

Показалось. Свальд ему все-таки крепко врезал. Вот и чудится всякое...

Лис вскочил, пошатнулся. Ульд еще давился радостью, когда локоть Хельга точно заехал ему в висок.

И когда наставник подошел к дерущимся, из трех парней на ногах стоял только Хельг. Пошатываясь, плохо видя за-

плывшим левым глазом, но стоял. Ульд и Свальд валялись возле его ног.

— В чем дело? — Наставнику было за тридцать. Белые, точно снег на вершинах гор, волосы выдавали в нем выходца с северной окраины западных островов, где встречаются Вастхайм и Садхебейл. В голубых глазах клубилось недовольство. — Я спрашиваю, курсант, — в чем дело? Из-за чего произошла драка?

О, Хельг мог рассказать, из-за чего. Мог. Но не стал.

Люди всегда делятся на компании. Это Лис понял давно. Общие интересы, общие привычки, общие цели, общий страх, общая ненависть. Все это заставляет людей объединяться. И взрослых, и подростков. А в компаниях всегда есть лидеры.

На «Морском змее» Хельг тщательно следил за формированием союзов, не примыкая ни к одному из них. Парни и девчонки искали одинаковые увлечения, тянулись к похожим характерам и отталкивали несхожие. Слабые собирались вокруг сильных, сознательно или бессознательно надеясь на защиту. Некоторые девчонки вклинились в компашки, чьи «лидеры» не только выглядели сильными, но и могли покрасоваться смазливym личиком.

Присутствовали еще и изгои, которых не приняла ни одна группа. Кучка парней и девчонок. Кто-то излишне самоуверен, кто-то не хочет ни с кем быть, а на кого-то просто никогда не обращают внимания. Лис запоминал всех. Точнее, старался запомнить: некоторые прятались или следили за набором точно так же, как и он. Это наводило на неприятные размышления, но Хельг был уверен, что в итоге в его сети попадутся и они.

Всегда надо быть уверенным в себе. Так говорил Стейнмод. Лис не сразу понял, что это значит — никогда не сомневаться в том, что делаешь. Быть уверенным, думал он сначала, это значит быть спокойным. Но спокойствие и уверенность — не одно и то же.

Вот, например, Ульд. Ходячая радость душеведа. С виду спокоен и доброжелателен, но готов вспыхнуть в любой момент, точно старый ссохшийся солнцегриб. Постоянно нервничает и обижается на любую шутку в свой адрес. Сварссон примкнул к компании, образовавшейся вокруг Свальда, на третий день плавания, почти перед самым прибытием в академию — как и рассчитывал Хельг. Лис подшучивал над Ульдом уже в конце первого дня, когда тот крутился вокруг красавца Арджа Гаутамы, потомственного и чистокровного бха-

та из риг-ярлов Дома Серебряного Лучника. Непреклонный авторитет Арджа собрал вокруг него почти всех выходцев с южных островов, а тонкие черты лица, пышные ресницы и грациозные движения — пяток девчонок-свандок. И Лис не преминул этим воспользоваться.

— Ты прямо шестая девчонка здесь, — как бы в шутку говорит проходящий мимо Хельг, но Ульд бледнеет.

— Не знал, что тебя тянет на бхатов! — смеется Хельг, дружески похлопывая Ульда по плечу, но Сварссон чуть не плачет.

— Слушай, может, тебе в платье переодеться?! Уверен, тебе пойдет! А то еще и понравится. — Хельг подмигивает Арджу, и бхат ухмыляется в ответ. Шутка понравилась южанину. И остальные бхаты тут же начинают шутить над Ульдом, поспешившим уйти подальше. Сгорающий от стыда и обиды юноша больше не показывался рядом с Арджем, чего Лис и добивался.

Ульд — полукровка, и примесь крови юга давала знать о себе легким бронзовым отливом кожи. Хельг не позволил ему примкнуть к компании Арджа, и Ульду не оставалось ничего иного, как присоединиться к группе Свальда, такого же метиса, но из более древней семьи. Дом Огня, Дом воинов запада, бравших в жены южанок. Их дети были первыми, кто вел «эйнхерии» на захват южных островов, а позже — и на захват островов свандов.

А дальше Лис начал откровенно оскорблять и скрежетавшего зубами Ульда, опасавшегося в одиночку кидаться на обидчика, и Свальда, который Хельга просто игнорировал. Еще бы! Пускай Хельг чистокровный западник, но для Свальда он всего лишь потомок тех, кого его предок во времена Объединения размазал тонким слоем по всему родовому острову. Так что до поры до времени Вермундссон не обращал внимания на Лиса.

До сегодняшнего утра. До того часа, когда Хельг с тщательным выверенным презрением на лице не высказался в кругу тех, кто должен был обязательно донести до Свальда его слова о непохожести Вермундссона на остальных членов его семьи. И об удивительном сходстве Свальда с конюхом, а не с нынешним главой рода. Впрочем, добавил Хельг с ехидной ухмылкой, если посмотреть на фамильные портреты, то ничего необычного в судьбе Свальда не увидишь. Слуги, видимо, не раз помогали его роду.

Этого Вермундссон не стерпел. Кровь запада вскипела от оскорбления рода, а кровь юга — от оскорбления матери. На это Лис и рассчитывал. Он не раз слышал разговоры старших

братьев, обсуждавших подобные оскорбления и следовавшие за ними поединки-хольмганги со смертельным исходом.

Конечно, Хельг рисковал. Даже Ульд был доведен им до белого каления, а уж Свальд стал похож на «Разрушителя», оба водителя которого разом сошли с ума. На «Морском змее» было много мест, подходящих для того, чтобы спрятаться от разъяренного майнора Дома Огня, но Хельг опасался, как бы Вермундссон не нашел его до прибытия на Виндерхейм. А еще Хельг беспокоился, что Ульд может довольствоваться простым наблюдением за тем, как Свальд избьет проклятого насмешника. Но нет! Когда на берегу Свальд метнулся к Хельгу, наконец-то отыскав свою жертву, Ульд тенью последовал за ним. А Свальд оказался слишком зол, чтобы запретить своему «вассалу» вмешиваться. Он просто не видел Ульда. Он видел только Хельга. И поэтому проиграл. Не с Хельгом должен был он драться в первую очередь, а со своей яростью.

— Я... — Слова выходили с трудом, Хельг почти хрипел. — Я защищался... — Он махнул рукой в сторону молчаливо стоявших парней и девчонок. — Они подтвердят... я защищался...

Лис махнул рукой как бы невзначай, но точно в сторону Гурды, на которую наставник машинально посмотрел. Рыжая высокая девчонка, выглядевшая старше своих пятнадцати, на всем протяжении пути «Морского змея» выказывала неприязнь по отношению к Арджу и Свальду. Антипатия Гурды была довольно сильной, как рыжая ни пыталась ее скрыть. Она благосклонно следила за тем, как Лис оскорбляет Сварссона и Вермундссона. Причину такого отношения Хельг не смог выяснить, но не воспользоваться им было грех.

Он напрягся. Давай же, Гурда. Давай...

— Это правда! — выпалила девушка. — Эти двое сами набросились на него!

— Что послужило причиной драки? — Теперь наставник неотрывно смотрел на Лиса. Ему, видимо, было интересно, почему сразу двое избивали Хельга, хотя один Свальд должен был разобраться с ним. По крайней мере, Лис думал, что наставник так считает.

— Причиной... — Хельг постарался улыбнуться. Губам было больно. — Очевидно, что причиной послужила уверенность в моих силах... и их неуверенность в своих...

Свальд уже поднялся и теперь помогал встать Ульду. Холодный взгляд в сторону Хельга. Взгляд врага, решившего любой ценой всадить меч тебе в грудь.

— Он посмел оскорбить мой род и меня, — отчеканил Свальд. — Я требую хольмганга.

Хельг улыбнулся, несмотря на боль. Эх, Свальд, тебе не «Яростью» управлять, а на простом «Дварфе» в бой идти!

В глазах наставника — лед. Голубой лед. Словно снежный великан смотрит на Вермундссона.

— Курсант, тебе напомнить первый параграф Устава академии? — спросил, хмурясь, наставник.

Свальд нахмурился в ответ.

— Не надо... — процедил он сквозь зубы.

— А я все-таки напомню. — Наставник оглядел стоящих вокруг новичков. Хельг вздрогнул, когда цепкий взгляд взрослого скользнул по нему. Будто разорвал тщательно приготовленную личину Лиса и заглянул внутрь, в самую сердцевину души. Бред. Это невозможно. Всякие паранормальные штучки вроде чтения мыслей — это в Садхебейле, на северных островах гальтов. Телепатия не для свандов. На западе Архипелага давно восторжествовала наука, освященная Храмом Солнца, и ведьмовство полностью искоренено храмовниками. Жрецы строго следят за магическим спокойствием, позволяя только лечебную соматику.

— Итак, новички, — голос наставника перекрыл даже грохот турсов, — я напомню то, что вы должны помнить в академии всегда. Род, семья и Дом здесь не имеют значения! Это первый и основной параграф Устава. И это значит, что, пока вы в академии, пускай даже вся ваша семья умрет и вы останетесь единственным, кто будет претендовать на родовое имя Дома, вам плевать на это. Вы теперь — «птенцы»! Вы теперь — ученики академии! Ваша знатность тут никого не впечатлит. Ваша родовитость важна не больше, чем родовитость рыбака. Вы станете кем-то значимым в тот момент, когда управляемая вами «валькирия» выполнит чудесный танец, который восхитит даже богов.

Наставник резко взглянул на Свальда.

— Впрочем, курсант, ты всегда можешь вызвать этого юношу на хольмганг, когда покинешь академию. Однако это возможно только в одном случае: если ты не справишься с обучением и мы тебя отчислим. Тогда можешь снова переживать за гордость своего рода и Дома.

— Не будьте так суровы, наставник Ингиред. — Доброжелательный и мягкий голос неожиданно появившегося рядом жреца резко контрастировал с пронзительными фразами наставника. — Эти двое юношей вместе могут отстаивать честь

своих родов и в том случае, когда оба покинут академию превосходными пилотами «валькирий». Если, конечно, к тому времени у них останется хоть капля разногласий.

Ингиред усмехнулся, глядя прямо в глаза Хельга.

— Я не думаю, что эти драчуны продержатся дольше одного семестра. Те двое, — небрежный кивок на Свальда и Ульда, — потому что не справились с одним противником. А этот, — пристальный взгляд голубых глаз мог заморозить на месте, — потому что мне не нравится. Пресветленный Ойсин, вы же знаете, что случается с теми, кто мне не нравится?

Ойсин? Гальтское имя, хотя храмовник русыми волосами, серыми глазами и вообще чертами лица больше походит на сванда. Смешанная кровь, видимо. Вот тот же Свальд — в его жилах течет южная кровь, а все равно вылитый западник.

— Знаю. — Жрец печально улыбнулся. — Они обычно покидают академию в первый же год.

Хельгу стало не по себе. Этого еще не хватало!

— Впрочем, те из них, которых вы просто ненавидите, заканчивают академию с отличием, — закончил жрец и неожиданно подмигнул Хельгу. Пресветленный Ойсин неожиданно взял подбородок Лиса левой рукой и повертел в разные стороны, рассматривая левый глаз и разбитые губы.

— Так дело не пойдет, — сказал жрец. — Как его таким можно допустить к церемонии Посвящения? Нет-нет, сейчас мы все исправим... — С этими словами он легонько надавил Хельгу большим пальцем на точку за ухом.

Ульд тихо охнул. Свальд поежился. Наставник Ингиред хмыкнул. Вокруг Ойсина начал распространяться дымно-землистый запах. Хельг ощутил покалывание в кончиках пальцев, посмотрел на руки и внезапно понял, что видит обоими глазами! Больше не болели губы, живот перестал ныть, а ноги — подкашиваться!

Лис сглотнул. А вот и та самая соматика, о которой он недавно вспоминал.

— Вот так, — довольно сказал жрец, похлопав Хельга по плечу. — Синяки останутся, но теперь ты можешь принести клятву академии в подобающем виде.

— Я надеюсь, что в следующий раз, пресветленный Ойсин, вы не будете зря тратить благодать Всеотца на первого попавшегося. — Ингиред осклабился. — Я чувствую, что он еще не раз попадет в переделку, и что, вы каждый раз будете лечить его? Нет уж, пускай полежит в лазарете, пройдет процедуры, помучается от боли. Так, вы двое — в ту сторону.

А ты, умник, в противоположную. И чтобы до конца дня никаких драк. На первый раз прощаю, но в будущем получите по выговору. Поверьте, вам этого не надо.

Из слов наставника Хельг понял для себя два важных момента. Во-первых, драки как таковые в академии не запрещаются. Во-вторых, если не запрещаются, значит, кому-то это нужно. Нужно, чтобы ученики могли драться друг с другом. А это значит...

Додумать мысль он не успел. К новоприбывшим подошли еще наставники, начали разделять новичков по росту и строить в шеренги. Хельга определили в одну из средних шеренг, между ниронцем Судзуки и северянкой Наас. Они с интересом поглядывали в его сторону, пока новичков выводили из порта, а затем сосредоточили свое внимание на более занимательных вещах.

Вот справа появился парк. Вынырнули из-за липнувших друг к другу зданий порта уютные кипарисовые аллеи и журчащие фонтаны. Роща темных елей высилась позади памятников выдающимся мидгардцам. Хельг успел разглядеть статую первого конунга, прежде чем новички прошли мимо.

А вот слева открылась огромная площадка, огороженная высокой сеткой. У дальнего края поля выстроились учебные модели «эйнхериев». На «Морском змее» поговаривали, что их будут обучать не только вождению «валькирий», но и умению управлять человекоподобными турсами. Лис думал, что это только слухи, потому что академия специализировалась на выпуске пилотов «валькирий», а не водителей «эйнхериев». Однако получается, что слухи могли оказаться правдой. Иначе для чего здесь тренировочная площадка с «эйнхериями»?

Интересно, интересно. Хельг внимательно разглядывал боевые машины. Возможно ли, что академия теперь начнет готовить и первоклассных водителей «эйнхериев», не отчисляя тех, кто провалился, а переводя на обучение классом ниже? Кто знает, хорошие командиры подразделений наземных турсов так же важны, как и эскадрилья «валькирий».

За площадкой расположился крупный ангар. Когда новобранцы проходили рядом с ним, они старательно всматривались внутрь, пытаясь разглядеть висевшие под потолком на специальных рамах «валькирии». Это тоже были учебные модели, лишённые вооружения и брони, но и они вызывали вздохи восхищения. Ведь это будут первые воздушные туры, которыми позволят управлять новичкам. Правда, детально разглядеть учебные «валькирии» не удавалось из-за двух гро-

манных «Колесниц», которые занимали собой почти весь ангар.

— Наставник Лангас! — раздался впереди звонкий девичий голос. — Мы будем здесь учиться летать?

Учиться летать! Ха! Что за детство? Хельг покривил губы. Все-таки в академию должен быть более строгий отбор, а не просто экзамены для отпрысков Дольних Домов и эрлов или простой прием майноров Горних Домов.

— Здесь находится не так много «валькирий». — Наставник Лангас, невысокий темноволосый старик, отвечал медленно, подчеркивая интонацией каждое свое слово. — Они принадлежат старшекурсникам, доказавшим свое право на личный турс.

— Ого! Здорово! А когда у нас будут такие? А что надо сделать для этого? Я тоже хочу! — наперебой заговорили вокруг.

— Надо прилежно учиться и прикладывать все усилия, чтобы стать одним из лучших учеников! — торжественно ответил Лангас.

Хельгу стало противно, когда почти все загалдели о том, что будут обязательно хорошо учиться. Сопливые дураки! Ну что с них взять? Просто дети, честное слово!

А затем потянулись монументальные здания, чей строгий вид сразу выдавал в них учебные корпуса. Выверенные геометрические формы, канонические изображения Бога-Солнца, колонны в виде поддерживающих балконы «Дварфов», «Яростей» и «Вулканов». И на крыше каждого здания — развевающиеся флаги с изображением солнца.

Хельг шел и улыбался. Было от чего. План удался. Его появление на Виндерхейме сопровождалось скандалом, который запомнит весь набор. Более того — когда кто-то вспомнит Хельга, а точнее, когда Хельгу надо будет, чтобы о нем вспомнили, то вспомнят, как он выстоял в драке против двоих, одним из которых был Свальд. Вспомнят, как Лис стоял, а они лежали перед ним. Первое впечатление, говорил Стейнмод, всегда обманчиво. Но оно всегда запоминается. Запоминается навсегда. Всегда запоминается навсегда, вот даже как.

Теперь можно продолжать воплощать в жизнь основной план. Затаиться, не выделяться, подбирать себе команду. Следить, кто действительно лучший из этой сотни ребят. Они еще не знают, но они будут верно служить Лису.

И воплотят в жизнь его цель, ради которой Хельг поступил в академию.

Альдис Суртсдоттир

Путешествие до Виндерхейма было почти таким же скучным, как более раннее плавание от Акульей бухты до Йелленвика. «Почти» потому, что длилось оно всего три дня, а не четыре недели, к тому же во второй день Альдис удалось удрать от наставницы и всласть излазить корабль. Она даже успела найти вход в машинное отделение, но прямо у двери ее перехватил какой-то матрос, подверг строгому допросу и отконвоировал в заботливые объятия наставницы Кейко Ноды, которая отвечала за дисциплину среди девочек на корабле. Кейко пришла в полный восторг при виде арестантки:

— Правильно, белобрысая, так и надо. Я в свое время тоже туда лазила. Только, в отличие от тебя, не попалась. А вот тебя придется наказать.

— А может, вы меня отпустите? Я больше не буду... — начала мямлить Альдис. Быть наказанной на второй день пути за проступок — это совсем не согласовывалось с данным отцу обещанием «не высовываться и быть послушной».

— Э-э-э, какая хитренькая! — расхохоталась ниронка. — Нетушки, в следующий раз будешь умнее. Учись не попадаться.

Наказание, впрочем, оказалось совсем не страшным — вымыть полы и начистить рыбы к ужину. После муштры у эрлы Ауд это было плевым делом. Круглощекий кок-балагур почти всю работу сделал сам, да еще и развлекал морскими байками. Но в глазах остальных девчонок и без того невеликий авторитет Альдис упал ниже ватерлинии. Что же, ее это вполне устраивало. Она привыкла быть одна.

Хоть «Морской змей» и числился в составе военного флота, строился он на гражданских верфях и даже несколько лет мирно курсировал между островами Южного Мидгарда, пока не был выкуплен министерством. «Гражданское» происхождение особенно ощущалось в расположении жилых отсеков. Юноши и девушки размещались в бывшей каюте третьего класса. Ранее единое огромное помещение в трюме ныне было разделено на две половины деревянной переборкой.

По тому, как реагировали девушки на простецкую обстановку общей спальни, сразу можно было вычислить, кто из ровесниц привык к роскоши, и Альдис втайне развлекалась, наблюдая за возмущенными гримасами высокородных майноров.

Для наставников, возвращавшихся на Виндерхейм после отпуска, были подготовлены каюты второго и первого класса.

Проживание бок о бок с другими и скука путешествия за-

ставляли девчонок сбиваться в стайки. Просторная спальня с утра до вечера была заполнена щебетанием, смешками, разговорами. То здесь, то там разгорались подушечные бои, подружки хвастались друг перед другом влиятельными родственниками, одежками и украшениями. Волнующая близость юношей, обитавших за стенкой, провоцировала на разговоры о романтических отношениях, а обсуждение внешности и манер сокурсников не прекращалось даже ночью, после отбоя.

Альдис наблюдала за всем этим как бы со стороны. Она плохо умела сходиться с ровесницами. Сомнительное происхождение всегда делало из нее изгоя, а девчачьи разговоры казалась откровенно скучными и надуманными.

Утро прибытия было холодным и солнечным. Под руководством Кейко девушки построились парами, спустились вниз и выстроились на причале. Однако практически сразу наставницу отвлекли каким-то вопросом, и ровный строй перемешался. В довершение суматохи с кнорра спустились мальчишки. Молодежь разбилась по кучкам, и в воздухе повис уже привычный гомон, крики и смех.

Альдис отошла к самому краю причала и с тайным восторгом и ужасом наблюдала, как машины играючи переносили неподъемные мешки и ящики. Завороженная неуклюжей грацией турсов и первобытной мощью, исходившей от железных великанов, она не сразу обратила внимание на тишину вокруг.

На причале шла драка.

Двое парней, здоровый светловолосый крепыш и невысокий темненький парнишка, били третьего. Били не так, как обычно бьют в мальчишеских драках. Уж в драках-то Альдис толк знала. Так бьют, когда хотят убить, покалечить, уничтожить. И светловолосый, похоже, знал, как это сделать. Он использовал незнакомую, но эффектную технику, осыпал противника градом ударов в живот, пах, солнечное сплетение. Однако избиваемый оказался крепким орешком. Его тоже учили. Возможно, тот же учитель. Парень умело предугадывал и отводил большую часть ударов и стоял, стоял один против двоих. Альдис даже восхитилась — она знала пределы своих возможностей и не была уверена, что продержится хоть минуту против светловолосого врукопашную. Вот со шпагой или бокеном еще можно попробовать...

А парень пока держался. Может, помочь? Она возьмет на

себя второго — не ахти, но все-таки помощь. Но нужно ли вмешиваться? За что они его бьют?

Не успела Альдис додумать эту мысль, как мальчишка упал. Темненький коротко хохотнул, и Альдис решила рвануть на помощь: неважно, кто виноват в драке, молча смотреть на то, как двое избивают упавшего беспомощного противника, она не собирается.

Однако юноша справился и без помощников. Она даже не увидела движения, которым он опрокинул светловолосого, успела заметить только короткий и точный удар назад локтем, после которого упал второй парень. Через секунду все было кончено.

Тут наконец подошел кто-то из взрослых, и Альдис порадовалась, что не влезла в драку. Плохо лишний раз привлечь к себе внимание.

Победитель оказался типичным сваном — беловолосым, голубоглазым. Он так и стоял, пошатываясь, и вызывающе улыбался разбитыми губами.

Да, с него явно не брали обещания «не высовываться». Вон какой довольный, только что не сияет. Хотя и пытается скрыть торжество.

Альдис честно призналась себе, что тоже сияла бы, как начищенный солер, если бы смогла уложить двух таких противников. Да если бы только светловолосого уложила, все равно сияла бы. Особенно если еще потом добрый дядя-жрец избавит от неприятных последствий вроде отбитых почек.

Она даже не сразу поняла, что происходит, когда служитель Бога-Солнца возложил руку на голову победителю. Только через минуту до Альдис дошел смысл действий жреца, и ее бросило в жар. Соматик!

Раньше девушке не приходилось видеть, как работают обученные соматики. В самой идее подчинять окружающий мир с помощью энергий было столько кошунственного, хаотичного и непостижимого, что от близости жреца накатывала невольная дрожь. Возможность менять мир вокруг мановением руки пугала. В подсознании просыпались детские страхи: отблески огня в камине, смуглое морщинистое лицо нянюшки, хриплый голос рассказывает темные сказки о злых шаманах и тварях Хаоса...

Поймав себя на том, что слишком уж пялится на жреца, она отвела взгляд.

«Не высовывайся, будь как все!» — снова прозвучал в ушах повелительный голос отца.

«Не буду, папа».

Что бы ни делал соматик на Виндерхейме, Альдис это не касается. Ее задача — выучиться и стать отличным пилотом.

Наконец наставник закончил читать нотацию, шумную стайку подростков согнали в подобие строя. Курсантов повели на Посвящение.

Торжественный ритуал для Альдис пролетел как одно мгновение. Она привыкла к тому, что официальная часть любой церемонии может заставить скучать даже Локи, и здесь ожидала подобного. Но руководитель академии не позволил этому произойти.

Генерал Вебьёрн Ольфссон словно сошел живьем с эпических полотен, изображавших Смутные времена. Не просто высокий — высоченный. Не просто крепкий — военная форма трещала на его мускулах. Не просто вылитый западник — идеал Вастхайма. Он был подобен собравшемуся в морской рейд древнему викингу. Усиленный динамиками голос генерала зазвучал над площадью, где выстроились девочки и мальчики, и даже пожелай кто-то отвлечься от речи Ольфссона, просто не смог бы.

Гремела речь генерала, соседки Альдис слушали, затаив дыхание, а девочка старательно вылавливала крупинцы действительно ценной информации в океане воодушевляющего пафоса.

— Тот, кто выйдет из академии пилотом, выйдет не простым человеком. Он будет отмечен богами. И даже больше — он будет отмечен самим Всеотцом! Благородная кровь в его жилах вспомнит, что природа ее божественна, что эта кровь — кровь богов! Вы те, кто сегодня переступит порог. Нет, не порог академии — порог нового бытия! Вы будете учиться, и будете своей учебой служить стране и конунгу!

Генерал ни словом не упоминал о том, что не все закончат академию, что лишь часть из них станет пилотами. Даже наоборот, он обращался к новоприбывшим ребятам так, будто точно знал, что все они покинут академию с фамильными боевыми машинами. Он умел говорить, генерал Вебьёрн Ольфссон.

— Все вы знаете, что древние люди разочаровали богов своими делами и боги наказали их Катастрофой. — Оратор хохотнул. — Знайте, что если разочаруете меня, мой гнев будет страшнее Катастрофы! Вы все — будущая элита, которая продолжит укреплять славу Мидгарда перед Богом-Солнцем и нести Его Слово по всему миру! Именно вы избраны — да,

ИЗБРАНЫ! — для великих дел, которыми будет гордиться Мидгард.

«Мною будет гордиться отец, — отрешенно подумала Альдис. — В первую очередь — отец...»

Как же ей хотелось, чтобы он видел сейчас свою дочь! Видел, чего она достигла. Хотелось сказать: «Смотри, папа, — это я! Я помню о долге, я делаю то, что ты велел! Я думаю о тебе, папа!»

После выступления генерала его место занял храмовник, зачитавший Символ веры. Повторяя слова молитвы, Альдис думала о том, что теперь будет слышать ее каждое утро. Эрла Ауд не отличалась особой приверженностью Богу-Солнцу, ее вера была привязана к старым морским богам, как и вера почти всей Акульей бухты. Пока Альдис жила там, ей казалось, что она может забыть тщательно выученное славословие Всеотцу. Не забыла. И слава Богу-Солнцу.

А затем была клятва Посвящения, скучная и переполненная громкими пафосными словами.

Единственное, что только и запомнилось Альдис, было одно из положений клятвы: «Отныне буду стремиться я, чтобы душа моя и душа моего будущего турса стали едины».

Хельг Гудиссон

Сзади шумели, вспоминая торжественную церемонию и речь генерала Ольфссона.

— Генерал говорил, что мы — будущая элита...

— Здорово!

— Вечная служба на земле и в небесах конунгу и Мидгарду...

— А помнишь, он сказал, что в наших руках судьба всей страны?

— Немного пафосно, но по делу, правда?

— ...так что запомните, теперь я и вы должны стать лучшими в академии. Мы дали клятву Посвящения, но кроме этого должны поклясться, что будем помогать друг другу всегда и везде, независимо от обстоятельств.

Хельг прислушался и скользнул взглядом по говорившему. Так-так, северянин Катайр Круанарх, бледнокожий парнишка с крупными чертами лица, стриженный «ежилом». Собрал вокруг себя группу в семь человек, все гальты. Понятное дело, северяне предпочитают держаться вместе. Это у них в крови осталось от фианн, древних священных дружин.

«Надо будет понаблюдать за ними, — подумал Хельг. —

Солдаты северян — хорошие бойцы, может, и из этих выйдет толк...»

Он еще раз оглядел зал, куда их привели после церемонии Посвящения. Когда отзвучала речь генерала Ольфссона, полная воззваний к божественному духу сыновей и дочерей Мидгарда и патетических призывов отдать свою жизнь за Бога-Солнце, конунга и Мидгард, новичков отвели в высокое здание рядом с площадью и провели в зал. Сиденья в зале были расположены амфитеатром, то есть шли снизу вверх полукругом. Наставники рассадили учеников на верхних скамьях, затем притушили свет, а на помост был вывезен огромный макет академии. Отличный, между прочим, макет. Все четыре острова с расположенными на них зданиями и тренировочными зонами были сделаны так искусно, что их можно было принять за настоящие. Казалось, еще чуть-чуть — и оживут маленькие фигурки турсов, расставленные на макете, взметнутся вверх игрушечные «валькирии» и понесутся по залу, словно стая задиристых воробьев.

Лис внимательно рассматривал модель академии, стараясь запомнить как можно больше. Неплохо было бы подойти к макету, но наставники строго-настрого запретили приближаться к помосту. Причина запрета объяснена не была, хотя никто, впрочем, не спрашивал. У Хельга имелись предположения, но делиться ими он не собирался.

Хотя, по сути, делиться было не с кем. На «Морском змее» он ни с кем не подружился и даже особо незнакомился. Лис был уверен, что мало кто знает его имя, не говоря уже о семье и роде. Впрочем, он сам так и не узнал имя каждого новичка. Сотня парней и девчонок — за три дня не справишься, как ни старайся. Вот если бы был доступ к храмовой картотеке с делом на каждого... Но о таком Лис мог только мечтать.

А еще ему интересно было взглянуть на свое дело. Как и другие майноры Горних Домов, Хельг получил допуск в академию после короткой беседы с храмовником. Но храмовники — знатные душеведы. Стейнмод говорил, что опытный жрец с одного взгляда может разобраться в человеке. Лис надеялся, что ему удалось провести храмовника, что тщательно созданный образ Хельга Гудиссона, сына Гуди Торссона, обманул жреца. Память всколыхнулась, совсем не вовремя напомнив о беседе...

— Майнор Хельг, вы же знаете, что можете выбрать не только военную карьеру, но и научную?

Храмовник вежлив. Храмовник обращается на «вы», хотя

остальные дети не дождутся от него ничего, кроме «ты». Не потому, что храмовник считает их хуже. Просто жрец обязан «выкать» отпрыскам Домов. А простолюдинам — только «ты». Храм ниже Домов, но выше сословия военных, служащих не аристократам, а Мидгарду. И куда уж выше сословия общинников: юристов, врачей, оружейников, строителей, банкиров, купцов и прочих. Правда, Гильдия инженеров в последнее время пытается подняться вровень с храмовниками, но жрецы противятся этому. Лишние конкуренты Храму Солнца не нужны. Это неудивительно. Конкуренты вообще мало кому нужны.

— Научная карьера скучна, — отвечает Хельг. — Многократные эксперименты, неудачные эксперименты, бессмысленные эксперименты. Создание теорий, которые будут опровергнуты другими теориями, которые так же падут под натиском следующих теорий. Нет, это не для меня. Я хочу послужить Мидгарду.

— Ученые служат Мидгарду не меньше, чем солдаты, — замечает жрец.

«Ага, именно поэтому вы так помогаете Гильдии инженеров получить право владения землей и крестьянами!» — не сдерживается Лис. И мысленно ругает себя. Даже думать так в присутствии храмовника небезопасно. И совсем не потому, что может прочитать мысли. Беседу с Хельгом проводил чистокровный сванд, ну, может, с капелькой инородной крови, а чтение мыслей — это из псионики гальтов. Чистокровных гальтов. Без капелек инородной крови.

Просто от этой беседы зависит очень многое. В коридорах приемной комиссии Хельг заметил подростков в сопровождении охраны с гербами Горних Домов на мундирах, и это крайне не понравилось ему. Горние Дома обычно игнорируют академию, предпочитая обучать майноров военному делу собственными силами или посылая в училища, которые готовят офицеров для наземной армии Мидгарда. Высокородные дворяне издревле предпочитали водить «эйнхерии», еще с тех пор, когда Харальд Скаллаgrimссон вел за собой в «Дварфах» тех, кто в итоге стали основателями Домов. Когда же были найдены машины древних и Храм Солнца сотворил «валькирию» по образу и подобию Солнечных Дисков, Горние Дома с настороженностью отнеслись к летательным турсам. Традиция была превыше всего, и майноры Горних Домов отправлялись в Ойкумену в «эйнхериях». Лишь некоторые рискнули довериться «валькириям», как, например, Дом

Молнии, чьих майджоров из хёвдингов отобрали для вождения машин древних.

Хельгу не нравилось, что Горние Дома прислали майноров поступать в академию именно тогда, когда он наконец-то достиг возраста, позволяющего осуществить его тщательно разработанный план. Набор ограничен: сто пятнадцатилетних парней и девчонок. Майноры Горних Домов, изъявившие желание поступить в академию, проходят в независимости от результатов собеседования — такая практика негласно проводится в приемной комиссии. До этого поступало два, максимум три отпрыска Горних Домов в год. Это немного. Иногда их вообще не было. Однако припрись сюда больше сотни майноров Горних Домов — и что тогда? Кого из них отсеют и по каким критериям? Вдруг Хельг как раз будет признан неподходящим?

Чтоб их Хельг побрала! Сидели, не чесались, а стоило Лису устремиться в академию — опаньки, тут как тут. И ведь это простое стечение обстоятельств, не мог никто знать о Хельге, он очень тщательно подчистил за собой хвосты, да и отец не был против и помог. А раз отец помог, то уж точно никто не знает, кто такой Хельг Гудиссон и зачем он стремится в академию. Последнего, кстати, не знал и отец. Думал, что знает, но ошибался. Специально для него Лис сочинил такую байку, что батюшка от умиления даже слезу пустил под конец разговора с сыном.

— А чем вас не устраивает карьера полицейского?

— Давайте я сразу отвечу, почему я не хочу и в жрецы податься. И вообще попробую осветить на все вопросы. — Хельг подался вперед, ладони открыты, смотрит собеседнику прямо в глаза. — Я хочу фамильный турс. А для этого, как известно и вам и мне, необходимо совершить великий подвиг во славу Мидгарда. И я хочу совершить подвиг. Хочу подвиг и турс. Ученый, полицейский, дипломат — это не для подвигов. Это для простой службы. Только военный может совершить что-то достойное. Я хочу совершить что-то достойное, подобное делам Харальда Великого. И как же свершать, как не под эгидой академии? Море Мрака, Северный Обрыв, а может, в будущем и новые земли, на которые надо будет нести свет учения Храма. Только став пилотом, я смогу достойно послужить Мидгарду.

Эгоизм со здоровым чувством патриотизма. Много эгоизма. Как раз на подвиги и толкающего. В основном безрас-

судные, но именно подвиги. В это храмовник-душевед мог легко поверить.

Поверил?

Храмовник мягко улыбается:

— Если сердце ваше хочет славы, то хочет ли слава вашего сердца?

Это еще что за загадка в чжанском духе? Неужели жрец почувствовал фальшь? Это плохо — но только если Горние Дома вознамерились под завязку забыть нынешний набор майнорами.

— Возможно, и не хочет. — Хельг улыбается и откидывается на стуле. — Но я заставлю ее захотеть.

Храмовник неожиданно перестает улыбаться. Резкий вопрос:

— Вы хотите быть пилотом?

Спокойная обстановка резко меняется. Комната словно превращается в дальний западный остров, где царят льды и снега. Вопрос вроде как вопрос, без подвоха, без всяких двусмысленностей. Но почему хочется обдумать ответ, прежде чем говорить, и почему возникает чувство, что отвечать надо быстро, очень быстро, что уже надо было ответить...

Хельг кивает. Просто кивает, злясь на себя неимоверно. Тебе же пятнадцать лет, Лис. А Храм Солнца уже несколько столетий является духовной основой Мидгарда. Кто из вас хитрее и умнее, а?

Храмовник задает еще несколько незначущих вопросов о семье, о друзьях. Хельг отвечает на автомате. Был ли вопрос о желании стать пилотом основным? Или — что стояло за этим вопросом?

— Корабль уходит через неделю. Прошу вас не опаздывать.

Лис, погружившийся в размышления, даже сначала не понимает, что именно ему сказали. И это хорошо. Очень хорошо. Потому что он просто встает, благодарит за беседу и уходит. Так бы поступил уравновешенный эгоист, маску которого надел на себя Хельг.

А вот злая радость нахлынула потом, когда Лис на выходе из комнаты осознал, что корабль, о котором шла речь, — это «Морской змей».

Он поступил.

Новички зашумели громче, и Хельг очнулся от воспоминаний. На полутемных подмостках появился наставник в форме офицера военно-небесных сил, он встал возле макета,

и тотчас копию академии осветили мощные прожекторы. Офицер внезапно хлопнул в ладоши, так неожиданно и громко, что разговоры моментально стихли, точно унесенные ураганным порывом ветра. Наставник ухмыльнулся.

— С сегодняшнего дня, — наставник говорил негромко, но благодаря акустике зала его было слышно всем, — вы становитесь первогодками академии. «Птенцами».

«Генерал уже это говорил...» — скушаяще подумал Хельг.

— На ближайшие пять лет академия станет вам родным домом, поэтому вы должны знать, что где находится. Я ознакомлю вас со структурой академии.

«Это уже интереснее!» — Лис приготовился внимательно слушать.

— Академия расположена на четырех островах, каждый из которых четко выполняет одну функцию. На нашем острове, Виндерхейме, расположены учебные помещения, жилые корпуса, а также залы и территории для тренировок. На Виндерхейме вы продолжите обучаться как обычным наукам, так и умениям, необходимым для пилотов «валькирий».

Виндерхейм по форме напоминал клешню, вытянувшуюся в сторону зрителей. Прямо посередине острова располагалась огромная гора.

— На Бьёрсфордоре, — наставник указал на второй остров, который расположился правее и чуть дальше Виндерхейма, — находятся полигоны для обучения боевому вождению турсов. Здесь вас будут учить в условиях, приближенных к действительности. Отработка маневров, командные и групповые сражения, бой один на один — все это здесь, на Бьёрсфордоре.

Бьёрсфордор напоминал вставшего в спячку медведя, шерсть которого вздыбилась: по острову растянулось множество горных гряд с узкими ущельями. Возможно, подумал Хельг, летая между ними, пилоты «валькирий» оттачивают свои умения.

— На Хеллугьяре расположены ангары с турсами, ремонтная база, жилые корпуса техперсонала и специальный учебный корпус. Там вас научат обращаться с технической стороной турсов и ремонтировать их при необходимости.

Третий остров выглядел обычен, точно простой блин слегка неправильной формы. На нем не было ни гор, ни лесов, только различные строения.

— И последний остров — Маркланд. — Наставник мечтательно улыбнулся, будто вспомнил что-то приятное. — Весь покрыт лесом, на нем водятся звери и птицы, некоторые его

части труднопроходимы. Это территория, на которой будут проводиться различные военные игры, где вы будете демонстрировать то, чему научились. Когда попадете туда, будьте осторожны: синяками можете не отделаться.

Маркланд разместился за треугольником, который образовывали Виндерхейм, Бьёрсфордор и Хеллугьяр. Самый крупный из островов, он занимал большую часть макета.

— Обратите внимание, — наставник поднял правую руку, и свет, падавший на макет академии, превратился в узкий луч, сконцентрировавшийся на длинном пятиэтажном здании, расположенном на Виндерхейме. — Это главный учебный корпус. Здесь вы получите основные знания по военной теории и турсоведению, а также гуманитарным и естественным наукам.

Как ни старались ученики вести себя тихо, но сдержать печальные вздохи смогли немногие, и по амфитеатру будто прошла волна разочарования. Наставник рассмеялся:

— Я понимаю, многие из вас думали, что в академии будут обучать в основном управлению «валькириями». Зачем вам, к примеру, философия или биология? Однако я, как и основатели академии, считаю, что наша цель — подготовить не простое дополнение к курсу, а высококлассного воина, готового нестандартно мыслить в самых неожиданных ситуациях. Чем лучше отточен ваш ум, тем лучше вы постигнете тайны управления «валькириями». И запомните: в сражении главное — не оружие! — Наставник выразительно постучал себе костяшками пальцев по лбу. — Основа основ в сражении — разум.

Тихий шум пронесся по рядам учеников. Кажется, не все разделяли точку зрения наставника. Хельг же полностью был согласен. Он знал эпизоды из военной истории Мидгарда, когда войска Объединения терпели поражение в боях за восточные острова. Против хитростей ниронцев, бывало, не помогали даже «эйнхерии».

— Первый год вы будете учиться только в главном корпусе. Физические упражнения, фехтование и безоружный бой — в этих трех залах и на этих пяти открытых площадках. По истечении трех месяцев начнутся занятия по турсоведению. Основам управления турсами вы будете обучаться вот здесь. — Наставник показал на огороженную территорию, которая находилась неподалеку от порта. По всей видимости, мимо нее новобранцы проходили после прибытия. — Спустя несколько месяцев на Маркланде вы пройдете специальное испытание. Какое? Будет решено, исходя из общего рейтинга

набора. Ну а под конец года будет проведено итоговое испытание, в ходе которого определится, кто из вас достоин продолжить обучение в академии, а кто будет отчислен.

Упоминание об отчислении заставило заволноваться весь зал, но наставник не обратил на это внимания. Хельг самодовольно хмыкнул. Отчисление? Ха! С ним этого точно не произойдет!

— Сообщение между островами происходит посредством паромов и «валькирий» класса «Колесница». — Наставник на миг задумался, а затем продолжил: — Это основное, что вам нужно знать о структуре академии. Если есть вопросы, то я готов ответить. Можете обращаться ко мне — наставник Валдир.

Первым вопрос решился задать Ардж. Хельг вообще заметил за ним желание вылезать на первые позиции и светиться где только можно. Явно считает себя лидером и жаждет, чтобы каждый в наборе уяснил его лидерство. Ну, тут таких «лидеров» много.

— Наставник Валдир, — поднявшись и уважительно сложив ладони перед грудью, сказал бхат, — позвольте спросить. Вы говорили об общем рейтинге набора. Я хотел бы попросить вас уточнить, что это такое.

— Конечно, более подробно вам расскажут о рейтинговой системе учителя на лекциях, однако я попробую объяснить в общих чертах. У каждого из вас будет три шкалы для набора баллов: личная, командная и групповая. То есть во время учебы вы будете получать баллы как за индивидуальные достижения, так и за совместную работу с другими учениками. Во время тренировок и игр вас будут делить на группы от трех человек, и балл, заработанный группой, делится на количество составляющих ее курсантов. Личные усилия каждого при этом не учитываются. Всегда перед тренировкой или игрой состав групп будет меняться, и каждый из вас сможет поработать со всеми остальными.

Новость вызвала оживление рядов, которое прервало деликатное покашливание Валдира.

— Действия в разных по составу группах необходимы для формирования навыков совместной работы в независимости от того, с кем придется взаимодействовать. А теперь немного о командах. В отличие от групп, команды на протяжении ближайшего года-полтора будут состоять из двух человек без изменений. Тем не менее члены одной команды могут оказаться в разных группах и во время тренировок противостоять друг другу.

«Хитро придумано, — подумал Хельг. — Постоянная борьба всех против всех, когда и близкому товарищу нельзя доверять, потому что ради баллов он может пойти на что угодно. Так почти невозможно создать альянс или сохранить успешную компанию!»

Лис мельком глянул на северян. Те выглядели расстроенными, а их вожак Катайр раздраженно сжимал и разжимал пальцы.

— Баллы начисляются за ваши успехи и снимаются, если вы не продемонстрируете хороших результатов. Наивысшее индивидуальное количество баллов к концу первого года — пять тысяч. Это рекорд, который еще никто не смог побить. А общий рейтинг набора — это общая оценка вашего курса, сумма всех ваших баллов. Все понятно?

— Да, наставник. Благодарю за ответы. — Ардж поклонился и сел на место.

— Есть еще вопросы?

— А как нас будут распределять по командам?! — выкрикнул с места рыжеволосый парень, сидевший неподалеку от Хельга. Его имени Лис не знал. Один из тех, кто ни к кому не прибил, да и вообще особо не мелькал на корабле.

— На основе анализа ваших психопрофилей сделают вывод, насколько каждый из вас сможет раскрыть потенциал другого. Иными словами, чем выше психический и ментальный резонанс двух учеников, тем больше шансов у них объединиться в команду. Это понятно?

— До слова «психопрофиль» я вас понимал... — уныло протянул рыжий.

Часть учеников засмеялась.

— Наставник Валдир, наставник Валдир, а жить мальчики и девочки будут вместе?! — вскочила темноволосая девчонка на другом конце зала от Хельга. Ульна Рагнарсдоттир. После ее вопроса засмеялись почти все, даже Валдир слегка улыбнулся. Ульна покраснела, показала неизвестно кому язык и быстро уселась на место.

— Нет, проживание раздельное, как и душевые комнаты. Впрочем, бассейн общий.

— Наставник Валдир, а как мы будем узнавать свой рейтинг? — спросили из рядов ниже, кто — Хельг не успел заметить.

— На первом этаже главного учебного корпуса расположена таблица, где каждый курсант может увидеть свои и чужие баллы, не только своего курса, но и других. Чем ниже вы находитесь в таблице — тем ближе вы к отчислению. Од-

нако последнее итоговое испытание может все изменить, за него дают много баллов.

— А что это за итоговое испытание?

— Это секрет. Для каждого набора испытание создается каждый раз заново. Исходя, как я уже говорил, из общего балла курса...

Хельг вполуха слушал вопросы учеников и ответы Валдира, всматриваясь в макет академии. Он хотел бы получше разглядеть ее, более точно запомнить, что где располагается. Насколько Хельг видел, макет был точен относительно порта и пути от него до учебных корпусов, а это значит, что и остальные территории обозначены правдиво. По крайней мере, на это можно было надеяться.

Со своего места Хельг не мог разглядеть макет во всех подробностях. «Надо будет пробраться сюда как-нибудь и лучше все изучить, — решил он. — По крайней мере, сейчас это невозможно, когда здесь такой галдеж. И не зря ведь мы только *смотрим* на макет, а не ходим по территории? Может, академия показывает не все, что у нее есть, а это уже само по себе интересно...»

— Хорошо, если вопросов больше нет, то вы можете быть свободны. — Валдир взмахнул рукой, и помост погрузился в полумрак, в то время как остальной зал ярко осветился. — Наставники проводят вас до жилого корпуса, там вас разведут по комнатам, и вы познакомитесь со своими товарищами. До вечера можете отдыхать и знакомиться с окружением. Завтра с утра начинаются занятия.

Альдис Суртсдоттир

На выходе из зала юношей и девушек опять разделили. Куда повели парней, Альдис не видела. Ее вниманием без остатка завладела высокая женщина в летней форме с нашивками сержанта на рукаве.

Таких женщин ей раньше видеть не приходилось. Поджарая, мускулистая, похожая на большую хищную кошку. Трудно было сказать, сколько точно ей зим — она могла оказаться как моложе эрлы Ауд, так и старше. Волосы на голове были коротко острижены и поднимались едва ли на два пальца. Но примечательнее всего было ее лицо. Правая половина была прекрасна — миндалевидный глаз, резко очерченные губы, нос правильной формы, скульптурная линия скулы. И тем более жуткое впечатление производила левая половина, пере-

черкнутая тремя уродливыми багровыми шрамами. От того места, где у всех нормальных людей находится левое ухо, начинался еще один шрам, который тянулся наискось к темени. Левый глаз незнакомки был прикрыт черной повязкой.

Альдис была не единственная из девчонок, кто засмотрелся на удивительную женщину. Однако толком разглядеть незнакомку они не успели.

— Чего уставились, «птенчики»? Знакомьтесь — Сигрид, ваш ротный командир. Теперь от нее люлей будете получать, еще помяните старушку Кейко добрым словом, — объявила наставница Нода и, уже обращаясь к незнакомке, добавила: — Вот, полный комплект — пятьдесят голов и не знавших розги задниц. Разгуляешься...

— Спасибо, Кейко, — кивнула женщина. Голос у нее был под стать внешности — в нем звенела сталь и похрустывал лед.

Еле слышный вздох разочарования пронесся над стойкой девушек. За три дня пути Кейко успела завоевать искреннюю привязанность своих подопечных. При всей своей напускной строгости она была человеком незлым и не слишком серьезно относилась к правилам, чем девчонки беззастенчиво пользовались. Страшная незнакомка же совершенно не производила впечатления человека, способного оставить без внимания какую-нибудь шалость.

— Итак, я — сержант Сигрид Кнутсдоттир, — продолжила незнакомка, не обращая внимания на смутный ропот и явное отвращение, с которым многие девушки разглядывали ее изуродованное лицо. — Я буду вашим ротным командиром на протяжении всех пяти лет обучения. Моя задача — в кратчайший срок сделать из сопливых избалованных малолеток лучших бойцов Мидгарда. Те из вас, кто *действительно* захочет не вылететь из академии, должны будут усвоить несколько правил. И первое из них... — Тут она повысила голос так, что у Альдис даже в ушах засвербело. — КОГДА Я ГОВОРЮ — РОТА МОЛЧИТ!

Смешки и шепоток, летавшие над строем, примолкли. Когда Сигрид кричала, она выглядела жутко.

— Уже лучше, — продолжила женщина так же спокойно и неторопливо, как говорила до этого. — Я не люблю кричать. Если я кричу, значит, рота меня вынудила. Если рота меня вынудила, она будет наказана. Целиком. Вникать, кто конкретно виноват, я не буду. — Она помолчала и в установившейся тишине обежала взглядом лица девочек. Большинство курсанток предпочло потупиться под прицелом ее единственного глаза, серого, как хмурое осеннее небо.

— Итак, правило номер два: ко мне обращаться «сержант» или «сержант Кнутсдоттир». Никакой фамильярности я не потерплю. Правило номер три: дисциплина важнее всего. Она — ваша мать, отец и Закон Небесный на ближайшие пять лет. Я никогда, запомните, никогда не наказываю просто так, без причины. И я никогда не оставляю виновных безнаказанными. Можете сколько угодно ныть, хныкать и просить прощения. На меня это не действует. Я ясно выражаюсь?

— Ясно, сержант! — выкрикнула Альдис.

Девочки рядом подхватили за ней:

— Ясно.

— Понятно...

— Ясно, сержант! — послышался нестройный хор голосов.

— Хорошо. Правило номер четыре: мои приказы исполняются беспрекословно и не оспариваются. За невыполнение приказа или спор с командиром полагается наказание. Какое — определяет командир. И наконец, правило номер пять. — Она прошлась широкой, мощной ладонью по своей голове. — Это — ваша стрижка на ближайшие годы. Не длиннее двух ладоней, понятно.

— Как?!

— Почему?

— Так же нельзя... — загалдели девушки. Особенно громко возмущались Гурда, обладательница роскошных, тяжелых кос необычного для западных островов золотисто-рыжего оттенка, и две незнакомые Альдис южанки.

Альдис только усмехнулась про себя. И кровати понятно, что их заставят подстричься — достаточно поглядеть на короткие волосы наставниц. Своих крысиных хвостиков до середины лопаток ей было не жалко. Учеба стоила и больших жертв.

— ТИХО! — гаркнула Сигрид, и рота снова испуганно примолкла. — Вы опять заставили меня повысить голос, а это значит, что вся рота наказана. На первый раз наказание будет легким. После стрижки подметете плац. Если кому-то не нравятся мои правила, то имейте в виду: «Морской змей» отправляется обратно через два дня, и на нем полно места.

Слова Сигрид камнем повисли в воздухе. Девушки испуганно переглядывались. Никому не хотелось с позором вылететь из академии, даже не приступив к учебе.

— Отлично, желающих уехать нет, — констатировала женщина. — Тогда сейчас на стрижку. Потом — подметете плац, и на получение формы. Потом — заселение в корпус и обед.

После обеда будем отрабатывать построения. Посмотрите на себя — это не армия, а балаган. Позор.

Позор, мысленно согласилась с ней Альдис. Девчонки даже не смогли ровно построиться.

— Пока все. Вопросы есть?

Девушки переглянулись. Вопросов накопилось множество, но задавать их было боязно: привлекать внимание грозного сержанта не хотелось никому. Альдис так и подмывало спросить женщину про шрамы на ее лице, но она скорее откусила бы себе язык, чем сделала бы это.

Стригли их прямо тут, на плацу. Женщины из числа обслуги принесли скамью, на которую запускали по пять девушек. Всем надевали на головы глубокие глиняные миски и обстригали волосы ровно по контуру посуды. Скоро территория вокруг скамейки была засыпана локонами, а поднявшийся ветер разметал легкие прядки по всему плацу.

«Да, подмести плац и правда не помешало бы», — отметила по себе Альдис.

А ведь сержант Сигрид знала, что так и будет, когда объявила подопечным о стрижке. Умно — наказанием она одновременно утвердила свою власть и решила проблему с уборкой.

Девушки разглядывали друг друга, теребили подруг вопросами: «Ну как? Мне идет?» Кому-то действительно шло, но большинство походило на востроухих «птенцов», выпавших из гнезда.

Не зря их тут «птенцами» называют.

Гурда чуть ли не плакала, стоя над своим золотым сокровищем. Вместо рослой, красивой девушки она в одночасье превратилась в неуклюжего подростка, с тоненькой шейкой и трогательно торчащими в разные стороны розоватыми ушками.

Альдис прислушалась к себе. Ощущения после стрижки были... непривычными. Всегда, сколько Альдис себя помнила, она ходила с косами. «Бублики», «плетенки», «колоски» — ежеутренняя морoka с заплетанием, особенно в отсутствие зеркала. Теперь задувший с моря бриз ерошил остриженные пряди, а шею за воротником слегка покалывали волоски. Девушка решила, что ей так даже больше нравится. Короткая стрижка подчеркивала ее новый статус. Она теперь тоже солдат.

Метелок, разумеется, на всех не хватило, но сержанта Сигрид это не смутило:

— На первый-второй-третий-четвертый-пятый рассчитайся!

ВСЁ О МИРЕ МИДГАРДА

Хронология

Катастрофа, получившая также название Катаклизма, навсегда изменила облик мира. Часть материков ушла под воду. Возникли аномальные зоны, порождающие ужасных чудовищ. Цивилизация скатилась к примитивным обществам.

Полторы тысячи лет на Архипелаге, жители которого считали себя единственными выжившими после Катаклизма людьми, длилась эпоха Смутного времени (Смута). За это время сформировались феодальные общества у свандов Вастхайма (западных островов), гальтов Садхебейла (северные острова) и ниронцев Десяти островов (дальневосточные острова), а на юге у бхатов и на ближневосточных островах у чжанов возникли могучие империи — Махабхата и Поднебесные острова соответственно.

Концом Смуты на Архипелаге принято считать рождение Харальда Скаллагримссона, Сына Всеотца, великого Бога-Солнца. Харальд основал Мидгард, государство, объединившее под властью Детей Солнца весь Архипелаг. Всеотец даровал своему сыну могучие турсы — «эйнхерии», человекообразные боевые машины, с помощью которых были сокрушены все враги Харальда и его потомков.

Спустя два века в группе островов в Вастхайме обнаружены Солнечные Диски — летательные машины времен до Катаклизма. На основе найденных технологий создан новый вид турсов — «валькирии», воздушные боевые машины. Благодаря новому дару Всеотца Мидгард берет под контроль аномальные зоны вокруг Архипелага и открывает для себя цивилизации Континента, крупного материка на севере, развивавшегося по пути использования паровых технологий.

В истории Мидгарда начинается новая эпоха.

0 год

Катаклизм

1500 год Смутного времени / 0 год Нового времени

Рождение Харальда Скаллагримссона.

20 год Нового времени (далее Н. в.)

Прославившийся воин и вождь Харальд ведет за собой на юг свандов, недовольных властью конунгов Вастхайма. По западным островам распространяются слухи о богоизбранности Харальда. Миновав море Мрака, Харальд захватывает остров бхатов.

21 год Н. в.

Харальд контролирует три острова бхатов, его воины берут в жены местных женщин. Он упраздняет на подчиненных ему островах кастовую систему. Слухи об этом разносятся по югу. Вайшьи и шудры склонны приветствовать Сына Солнца; также часть кшатриев, недовольная засильем власти брахманов, готова встать под знамена Харальда.

22 год Н. в.

Когда под властью сванда оказывается семь островов, брахманы решают использовать против него Железных Богов — сложные механизмы в виде бхатских божеств. Однако Харальду благодаря помощи его сторонников среди южных жрецов удается захватить машины. Объявляется, что боги бхатов приняли сторону Сына Солнца.

23 год Н. в.

Создана первая модель «Дварфа». Половина островов из Ожерелья Бхарты подчинена Харальду.

25 год Н. в.

Создана первая модель «Стрелка». Треть островов юга захвачена. Остальные, где властвует Махабхата, сопротивляются изо всех сил. Харальд объявлен брахманами аватарой Шивы, стремящимся устроить новую Катастрофу.

25—34 годы Н. в.

Боевые слоны, модифицированные алхимией брахманов, и остатки Железных Богов сдерживают турсов Харальда на островах Махабхаты. Заключен мир. Харальд объявляет о создании нового государства — Мидгарда. Его провозглашают конунгом. Харальд возвещает об объединении Архипелага. Создан Храм Солнца.

40—50 годы Н. в.

Харальд с армией свандов, бхатов и полукровок возвращается в Вастхайм. Продлившаяся десять лет война заканчивается подчинением свандов. Вводится система эрлов.

52 год Н. в.

Армия Харальда выступает на север, где, однако, сталкивается с мощным сопротивлением друидов и фианн, в которых состояли измененные при помощи псионики воины.

54 год Н. в.

Первая модификация турсов.

55 год Н. в.

Неожиданное нападение Махабхаты. На юге начинается война.

56 год Н. в.

Начинается охота на друидов, за голову которых назначена баснословная сумма. Часть гальтов переходит на сторону Сына Солнца, однако сопротивление в Садхебейле все еще сильное.

57 год Н. в.

Ряд друидов, спасаясь от смерти, переходит на сторону Харальда и призывает гальтов склониться перед Сыном Солнца.

60 год Н. в.

Север полностью подчинен конунгату. Оставив своих сыновей наместниками в Вастхайме и Садхебейле, Харальд возвращается на юг. Горние Дома запада и севера начинают свое становление.

61 год Н. в.

Махабхата выбита с южных островов Мидгарда. Харальд намерен вести войну до полной победы, однако храмовники, встревоженные состоянием его здоровья, останавливают его. Заключено шаткое перемирие.

62 год Н. в.

Состояние здоровья Харальда ухудшается.

63 год Н. в.

Харальд умер. Вторым конунгом становится его старший сын.

64—66 годы Н. в.

Второй конунг возводит систему укреплений на островах, граничащих с Махабхатой. Ведутся разработки нового типа турса.

67 год Н. в.

Восстание на западе и севере. Дворяне захватывают турсы и объявляют об отделении от Мидгарда. Сторонники конунгата вырезаются.

68 год Н. в.

Второй конунг появляется из моря Мрака совершенно неожиданно для восставших. Новый турс «Разрушитель» приносит второму конунгу победу.

69 год Н. в.

Подавлено восстание на западе. Семьи всех восставших уничтожаются.

70—90 годы Н. в.

Укрепление власти конунгата. Подавление всех возможных очагов сопротивления. Аристократия существенно урезается в правах. Горние Дома сведены до статуса Дольних, за исключением Дома Небес и Дома Огня.

91 год Н. в.

Второй конунг умирает. Есть подозрения, что его отравили. Конунгом становится второй сын Харальда, поскольку у жен второго конунга рождались исключительно девочки.

92—95 годы Н. в.

Во время царствования третьего конунга возвращаются привилегии аристократов, делается упор на развитие ремесел, вводится система хольдаров и сюслуманов.

96 год Н. в.

Третий конунг умирает от инсульта. Новым правителем становится старший сын третьего.

97—123 годы Н. в.

Самое тихое и мирное время в Мидгарде. Золотая эпоха, по определению многих историков. Развитие культуры и общества, распространение духовной системы Храма Солнца.

124 год Н. в.

Четвертый конунг умирает во время тестирования новой модели «Разрушителя». Его сыновья-близнецы оба претендуют на престол. Мидгард замирает в ожидании гражданской войны. Однако оба брата умирают от болезни, и на престол садится средний сын четвертого конунга.

125—130 годы Н. в.

Совершен ряд научных открытий, существенно повлиявших на производственную систему Мидгарда.

131 год Н. в.

Вторжение чжанской империи на северные острова Мидгарда. Чжаны используют взрывчатые вещества (как оказывается в дальнейшем, их запасы довольно ограничены и воссозданию не подлежат), а маги чжанов владеют искусством сенситивных иллюзий, которыми давно не обладают потомки друидов и защиты от которых нет.

132—137 годы Н. в.

Удивительно сложная война с чжанами. Лишь с помощью «Разрушителей» удастся удержать позиции Мидгарда. Чжаны берут числом, не щадя себя, турсы подрывают, постоянно используют иллюзии. Попытка восстановить псионическое могущество гальтов проваливается.

138 год Н. в.

В битве с чжанами ранен и гибнет пятый конунг. Прямо на поле боя его старший сын осиян Храмом и принимает бразды правления. Он ведет войска за собой в бой и разбивает ставку главнокомандующих чжанов. Вечером оказывается, что шестой конунг серьезно ранен, и все это время его держала на ногах лишь воля. К утру шестой правитель умирает. Седьмым конунгом становится средний сын пятого.

139 год Н. в.

Чжаны отступают. Седьмой конунг объявляет о подготовке похода на восток. Создан новый тип турса — «Вулкан». Модифицированы «Стрелок» и «Разрушитель». На вооружение армии поступают брахманданы и брахмапаши.

140 год Н. в.

Войска Мидгарда неожиданно атакуют Махабхату. «Вулкан» уничтожает джунгли, кислота «Разрушителя» сокрушительна для Железных Богов. «Дварфы» и «Стрелки» доделывают все остальное. Махабхата становится частью Мидгарда.

143 год Н. в.

Войска конунгата выступают на восток. Чжанская империя жестко встречает прибывших, к тому же в дело вступают союзники чжанов — ниронцы, чьи навыки лазутчиков и тайных убийц непривычны для привыкших к прямым столкновениям свандов, гальтов и бхатов.

144—158 годы Н. в.

Долгая, тяжелая война с чжанами и ниронцами, в ходе которой в армию Мидгарда впервые стали принимать женщин — сначала как врачей и медсестер, затем формируя отдельные боевые группы поддержки турсов. Почти все вступившие в армию женщины — свандки и гальтки.

159 год Н. в.

Умирает седьмой конунг. Восьмым правителем становится его младший сын, поскольку все остальные погибли на поле боя. Вопреки воле Храма и Горних Домов, новый конунг заключает перемирие.

160—170 годы Н. в.

Армия конунгата проходит реорганизацию и перевооружение. Создана «Ярость». Все старые туры выведены из эксплуатации. Женщины получают равные права с мужчинами, они поступают на службу в армию, идут работать на производство. Собравшись с силами, Мидгард снова отправляется на восток.

170—172 годы Н. в.

Война с чжанами и ниронцами. Благодаря гениальным полководцам и заранее продуманной стратегии Мидгард одерживает победу. Архипелаг полностью подчинен конунгату.

173—210 годы Н. в.

Вторая золотая эпоха Мидгарда. Однако именуется «серебряной» из-за последствий ужасной войны с востоком. Все это время Мидгард восстанавливается.

211 год Н. в.

Умирает восьмой конунг. На престол восходит его старший сын.

213 год Н. в.

Найдены Солнечные Диски.

214—215 годы Н. в.

Организована Гильдия инженеров, созданы «валькирии», основательно переработаны «эйнхерии».

216 год Н. в.

От болезни неожиданно умирает девятый конунг. Десятым становится его старший сын.

218 год Н. в.

Подчинен Северный Обрыв и контролируется море Мрака. Обнаружен Континент. Под давлением Храма и Горних Домов десятый конунг объявляет о новом походе во славу Мидгарда на дальний север, на Континент.

219 год Н. в.

Мидгард нападает на Ойкумену. Спустя полгода армия конунгата разгромлена и бежит.

220 год Н. в.

Подписан договор о мире между Мидгардом и странами Континента, вызвавший недовольство многих аристократов, военных и храмовников.

221 год Н. в.

Открыта военная академия имени Харальда Скаллагримсона.

241 год Н. в.

Альдис и Хельг поступают в академию.

Г л о с с а р и й

МИР

Архипелаг — совокупность групп островов, в которую входят острова свандов, гальтов, чжанов, ниронцев и бхатов.

Континент — расположенная к северу от Архипелага часть света, на которой развивались паровые технологии.

Мидгард — единое государство Архипелага под властью конунга, потомка Бога-Солнца.

Мировая Язва — аномальная зона на северо-востоке Континента.

Море Мрака — аномальная зона в центре Архипелага.

Ойкумена — могущественнейшая империя Континента под властью анакта. Занимает примерно треть Континента.

Северная Республика — государство на севере-западе Континента под властью народного собрания.

Северный Обрыв — аномальная зона, расположенная за северными островами и охватывающая огромный участок моря с запада на восток. На Континенте зовется Южным Провалом.

СОСЛОВИЯ МИДГАРДА

Сословия бхатов, гальтов, чжанов и ниронцев упразднены и переоформлены в соответствии с сословной системой Мидгарда.

ПЕРВОЕ СОСЛОВИЕ (АРИСТОКРАТИЯ)

Горние Дома

Высшая знать. Каждому Горнему Дому подвластно пять *шейтдоров* (крупных размеров острова) либо восемь-десять *стордоров* (средних размеров острова). Знать Горних Домов освобождена от ряда налогов. Правящий род Горнего Дома (руководящая семья с ответвлениями) именуется *риг-ярлами*,

подчиненные им семьи — *ярлами*. Наследники семей именуются *мэйджорами*, остальные дети — *майнорами*.

Дом Солнца правит всеми островами и водами Архипелага. Правитель Дома Солнца носит титул конунга. Во время войны конунг именуется *дротинн* (верховный военный вождь, главнокомандующий).

Горним Домам разрешено иметь свою дружину и фамильные туры.

Риг-ярлы на своей территории обладают высшей судебной, военной и жреческой властью.

Дольние Дома

Средняя знать. Дольнему Дому подконтролен либо один шейтдор, либо два-три стордора. Знать Дольних Домов освобождена от ряда налогов. Правящая семья Дольнего Дома именуется *хэрсирами*, подчиненные им семьи — *хёвдингами*. Наследники семей именуются *мэйджорами*, остальные дети — *майнорами*.

Дольним Домам разрешено иметь свою дружину.

Хэрсиры на своей территории обладают высшей судебной властью.

К особым привилегиям аристократов относятся право ношения меча и право на фамильный герб.

Отдельно выделяются *эрлы* — потомки воинов-свандов, во время присоединения западных островов к Мидгарду вступившие в армию конунгата и воевавшие против конунгов Запада. Их *льендоры* (мелких размеров острова) владеют тем же статусом, что и земли хольдаров, а также у самих эрлов есть ряд особых привилегий перед конунгатом и Домами. Практически эрлы — нижайшее дворянство в Мидгарде, однако близкое по духу скорее к сословию общинников.

ВТОРОЕ СОСЛОВИЕ (ДУХОВЕНСТВО)

Государственной религией на Архипелаге является культ Бога-Солнца, Всеотца, Великого Всетворца. Религиозная организация именуется *Храмом Солнца*. Согласно догматам Храма, правящая семья Мидгарда является потомками Бога-Солнца, что и делает ее единственным претендентом на земную власть. Верховным жрецом считается конунг, однако функции управ-

ления Храмом осуществляет *Коллегия Храма*, в которую входят представители орденов Храма и различных территориальных округов.

В обязанности второго сословия входит регистрация браков, рождений и смертей, сбор десятины, осуществление духовной цензуры книг, исполнение обязанностей моральной стражи (душеведы) и помощь бедным.

Подчиненные Храму земли с крестьянами не облагаются налогом.

Внутренняя структура Храма: орден Небесного Ока, орден Святого Знания, орден Пантеона, орден Блюстителей.

Орден Небесного Ока занимается исследованием соматики и душеведения в соответствии с положениями Священной Книги и основных догматов Храма.

Орден Святого Знания занимается созданием теологических и космологических трудов, духовной идеологией, изучением культур, выявлением религиозных положений Храма в иных религиозных традициях и соотнесением их с догматикой Храма.

Орден Пантеона ведает религиозными культами дохрамовых священных традиций, соотносит их с храмовыми догматами и культами, занимается встраиванием сакральных традиций иных народов в систему религиозной идеологии Храма. В этом ордене служат в основном представители культов гальтов, бхатов, чжанов, ниронцев и дохрамовой религии свандов.

Орден Блюстителей занимается проповеднической деятельностью и объяснением Священного Писания для простого народа.

ТРЕТЬЕ СОСЛОВИЕ (ОБЩИННИКИ)

К ним относятся крестьяне и горожане, в том числе купцы, полиция, бюрократы, ученые, Гильдия инженеров и т. п.

Делятся на *бондов* (свободных, обитающих не на землях Домов и Храма) и *карлов* (зависимых, подчиненных Домам и Храму). Бонд может стать карлом, принеся вассальную клятву Дому или поступив на нерелигиозную службу в Храм. Карлы, работающие прислугой в Домах, именуются *хускарлами*.

Земли бондов принадлежат конунгу, и семья бондов владеет ею лишь при условии оплаты налогов и несения военной службы во время войны. Однако существуют *одальбонды*, они

же *хольдары*, получившие право на неотъемлемое наследственное право владения землей. Хольдарами в основном становятся выслужившиеся полицейские, государственные чиновники, выдающиеся ученые Гильдии инженеров.

Бонды, утратившие землю (дом в городе), именуются *трэллами*. Они могут стать карлами либо поступить в услужение к бондам или вступить в армию конунга.

Карлы, покинувшие службу в Дому и Храме (выкупившие себя), именуются *лейсингами*. Лейсинг становится трэллом, если не может приобрести жилье или землю.

ЧЕТВЕРТОЕ СОСЛОВИЕ (ВОЕННЫЕ)

Армия делится на сухопутные войска, военно-морской флот и военно-небесные силы. Представители Горних и Дольних Домов, а также эрлы являются военнообязанными в случае войны.

Конунгату подчиняется отдельная армия, служба в которой в случае войны является обязательной для годных к военной службе граждан, а в мирное время — контрактной. Тем не менее существует ряд военных академий и школ, где могут обучаться юноши и девушки как по своему желанию, так и по велению семьи.

В армии конунга могут служить как общинники, так и аристократы.

Военные освобождены от ряда налогов.

Выслужившиеся военные получают от конунгата земельный надел. Таких военных и их потомков называют *лендрмэнами*. Земля принадлежит их семьям, пока они исправно платят налоги. Однако, по сути, права на землю у лендрмэнов как у бондов. Военные, чьи выдающиеся заслуги признаны конунгатом, получают земельный надел в неотъемлемое право; их именуют *сюслуманами*.

АРМИЯ МИДГАРДА

Вооружение армии Мидгарда:

Брахмаданда (чакромет) — метатель чакр.

Брахмапаша (сетестрел) — метатель сети.

«Валькирии» — боевые воздушные машины.

Виджая — механическая пушка.

«Эйнхерии» — боевые человекообразные машины.

«ЭЙНХЕРИИ»

Человекообразные механизмы, управляемые одним водителем (в случае «Разрушителя» — двумя). Силовых полей не имеют.

«Дварф»

Высота: 4,5 метра.

Вооружение: лезвие, молот, щит.

Легкий сплошной корпус усилен стальными пластинами, ноги и руки защищены специальными волокнами. Лезвие крепится на правой руке снизу, щит — на левой руке. Молот крепится на спине (введен для поздних моделей, когда были созданы аналоги пальцев, способные ухватить и удержать оружие).

Наблюдение за окружающим пространством в старых моделях происходило через систему зеркал в шлеме, в который приходилось реально засовывать голову. В последних моделях «Дварфа» используется мультисенсорика, однако, как и в других «эйнхериях», имеется дублирующий контур управления и наблюдения.

«Стрелок»

Высота: 6 метров.

Вооружение: малые лезвия, брахмапаша (метатель прочной колючей сети), штурмовая брахмаданда (многозарядное метательное устройство чакр), виджаи (механические пушки).

Массивный корпус. Массивные ноги. Руки-манипуляторы располагаются ниже «грудины» торса. Х-образная установка на спине (высота — 4 м), на каждом углу установки расположен стрелковый механизм. Верхний правый угол — две виджаи, верхний левый угол — две виджаи, нижний левый угол — брахмапаша и брахмаданда, нижний правый угол — брахмапаша и брахмаданда. В верхнюю часть корпуса встроена модифицированная виджая. В манипуляторы встроены небольшие лезвия. «Стрелка» обычно сопровождают три «Дварфа», которые несут дополнительные снаряды и обеспечивают охрану.

«Ярость»

Высота: 5 метров.

Вооружение: прыжковая установка, лезвия (на руках), ку-саригамы, брахмаданцы.

Развитие модели «Дварфа». Легкий корпус (усилен пласти-

нами), массивные ноги, в которые встроены механизмы, позволяющие «Ярости» совершать прыжки. Имеются два лезвия, расположенные в специальных держателях на руках, и две кусаригамы, которые крепятся на плечах. По бокам в специальных пазах расположены подвижные штурмовые брахмадан-ды.

«Вулкан»

Высота: 4,5 метра.

Вооружение: огнемёт, лезвия.

Развитие модели «Дварфа». «Вулкан» весьма массивен, его ноги, руки и туловище защищены двумя рядами волокон, а спина, на которой закреплены баллоны с горючим веществом, также защищена «плащом» из стальных пластин. Баллоны подключены непосредственно к шлангам в руках «Вулкана», в связи с чем «ладони» отсутствуют, имеются только раструбы для струй огня. Лезвия прикреплены к рукам-манипуляторам снизу.

«Разрушитель»

Высота: 7 метров.

Вооружение: вращающиеся лезвия, штурмовая брахмадан-да, моргенштерн (шипастый шар на длинной цепи), гамбан-тейн (разбрызгиватель кислоты), нараянастра (осколочные снаряды).

Штурмовой турс. Массивные ноги, в полтора раза больше, чем у остальных «эйнхериев»; массивный корпус, усиленный пластинами и защищенный волокном. Четыре руки-манипулятора, нижние длиннее верхних, в них встроены вращающиеся лезвия; в правой верхней — моргенштерн (длина цепи — 20 м), в левой верхней — гамбантейн (разбрызгивается на 10 м). В верхнюю часть корпуса встроена модифицированная виджая, стреляющая осколочными снарядами. Кабина на двух водителей, что связано с тем, что «Разрушитель» должен постоянно двигаться, используя одновременно все свое оружие для нанесения как можно большего ущерба.

«Курьер»

Высота: 4 метра.

Вооружение: четыре брахмадан-ды по бокам корпуса.

Самая легкая модель «эйнхерия». Возник после обретения Наследия, перед вторжением в Ойкумену. Служит для передачи сообщений между группами турсов и генеральным штабом. Высокоскоростной. Обтекаемый корпус, руки-манипуляторы отсутствуют.

«Громовержец»

Высота: 5,5 метра.

Вооружение: гунгниры (генераторы концентрированного потока теплового излучения на малой площади поверхности), лезвия, штурмовая брахмаданда.

Модель появилась во время войны с Ойкуменой. Вначале «Громовержца» собирались снабдить драупнирами, однако никак не удавалось создать малую форму последних, поэтому была скопирована иная технология Наследия. Гунгниры установлены на плечах, во время работы генератор издает оглушительный грохот, за что «Громовержец» и получил свое название. Массивные ноги, однако корпус, как у «Дварфа». Гибкие манипуляторы.

Имеющейся в груди брахмадандой и длинными двойными (вроде «вилки») лезвиями, расположенными в манипуляторах вместо ладоней и способными вертеться вокруг собственной оси, «Громовержец» пользуется во время накопления энергии для заряда гунгниров.

Сложность производства «Громовержцев» не позволяет поставить их сборку на поток. На данный момент конунгат располагает малым количеством «Громовержцев», несущих дозор на островах возле моря Мрака и Северного Обрыва. Дороговизна материалов и сложность создания гунгниров ограничивают дальнейшее появление «Громовержцев», поэтому продолжается производство «Стрелков».

РЕЛИГИЯ МИДГАРДА

Согласно основному постулату Храма, боги каждого народа являются наместниками Всеотца. Таким образом, признается существование всех языческих богов, однако каждый из них считается не более чем слугой Бога-Солнца. Систематизацией и соотнесением религиозных преданий друг с другом (проведение параллелей, выявление инвариантов, дифференциация божественных функций и т. д.) занимается орден Святого Знания.

СВАНДЫ

Асы — боги, живущие на небе, ими правит Один.

Асгард — небесный город, обитель богов-асов.

Аустри, Вестри, Нордри, Судри — четыре карлика-цверга, поддерживающие небо по четырем углам земли.

Бальдр — бог весны и света, самый светлый среди асов, с его приходом на земле пробуждается жизнь и мир становится прекраснее.

Браги — бог поэзии и красноречия, скальд. Когда Один похитил у великанов мед поэзии, то перелил его в золотые сосуды и отдал на хранение Браги, который с тех пор одаривает поэтическим талантом только избранных.

Ваны — боги земли и моря, обитают не в Асгарде, а в Ванахейме. В начале времен ваны и асы враждовали, первая война в мире была войной асов и ванов. Сейчас между богами заключено перемирие. Некоторые ваны — Фрейр, Фрейя и Ньёрд — поселились в Асгарде, а асы Хёнир и Мимир живут в Ванахейме.

Валгалла — небесный чертог в Асгарде, рай для доблестных воинов и павших в бою.

Валькирии — крылатые дочери Одина, реющие над полем битвы и подбирающие воинов, отправляя их в Валгаллу.

Вар — богиня истины, выслушивает и записывает клятвы людей, мстит нарушителям клятв и обещаний.

Вёр — богиня всеведения. Она очень мудра, и ничто не может укрыться от ее всевидящего зора.

Видар — бог мщения и безмолвия, во время Рагнарёка ему предстоит убить волка Фенрира.

Гарм — огромный четырехглазый пес, охраняющий вход в Хельгارد.

Гнипахеллир — пещера, в которой обитал Гарм.

Гульвейг — злая колдунья, в начале времен посланная ванами к асам. Ее появление в Асгарде положило начало войне между асами и ванами. Асы пытались убить Гульвейг несколько раз, но она живет и сейчас. Будучи из ванов, Гульвейг пользуется их магией.

Гунгнир — копье Одина (также именуется как Копье), изготовленное гномом Двалин, чтобы показать богам мастерство подземного народа. Гунгнир обладает волшебным свойством поражать любую цель, пробивать самые толстые щиты и панцири и разбивать на куски самые закаленные мечи.

Гинунгагап — первичный хаос, мировая бездна. Сама по себе лишена жизни, но в ней возникло два мира — Нифльхейм и Муспелльхейм (согласно догматам Храма Солнца, миры возникли по воле Всеотца).

Дагр — бог дня, сын Нотт, богини ночи. Его повозку с Соль, богиней солнца, везет Скинфакси.

Дикая Охота — группа призрачных всадников-охотников со сворой собак. Согласно свандской легенде, в определенные но-

чи Один со своей свитой носится по земле, собирая души людей. Если кто-либо встретится с ними и заговорит, то погибнет.

Ёрмунганд — Мировой Змей, опоясывающий Мидгард, средний сын Локи и великанши Ангрбоды.

Иггдрасиль — Мировое Древо, исполинский ясеня, который представляет собой мир. Покоится на трех корнях, один из которых уходит в Асгард, другой — в Йотунхейм, а третий — в Нифльхейм.

Имир — первое живое существо, инеистый великан, из которого создан мир (согласно догматам Храма Солнца, Имир возник из взаимодействия Нифльхейма и Муспельхейма).

Йотуны — древние исполины, первые обитатели мира, противники богов и враги людей.

Йотунхейм — холодное каменистое царство, страна йотунов, где правит великан Трим.

Локи — бог огня, но в то же время покровительствует хитрости и обману. Известен как Отец Обмана. Не ас, происходит от йотунов, но живет в Асгарде, принятый богами за свой необыкновенный ум.

Муспельхейм — огненное царство, страна огненных великанов, вход в которую охраняет великан Сурт.

Мьёллнир — молот Тора (так же именуется как Молот). Легок, как перо, но при этом абсолютно неотразим и смертоносен. После метания возвращается в руку метавшего. Молот могли поднять только Тор и его сыновья Магни и Сигнью. Тору приходилось надевать железные рукавицы, чтобы удержать в них Мьёллнир, и пояс силы, удваивающий силу носящего. Удар Мьёллнира вызывает гром.

Норны — три волшебницы (Урд, Верданди, Скульд), наделенные чудесным даром определять судьбы мира, людей и даже богов. Они живут возле источника мудрости Урд и поливают корень Иггдрасиля водами этого источника и тем продляют существование Мирового Древа.

Нидхёгг — дракон, лежащий в колодце Хвергельмир и грызущий один из корней Иггдрасиля. Также он пожирает прелюбодеев, клятвопреступников и подлых убийц.

Нифльхейм — земля льдов и туманов, местообитание инеистых великанов, один из первомиров.

Нотт — богиня ночи, мать Дагра, бога дня. Ее повозку с Мани, богом луны, везет Хримфакси.

Ньёрд — бог моря, ветра и плодородия, покровительствует мореплаванию, рыболовству и охоте на морских животных.

Один — бог войны и победы, отец и предводитель асов.

Мудрец, знаток рун и саг, покровитель военной аристократии, хозяин Валгаллы и повелитель валькирий.

Рагнарёк — гибель богов и всего мира, последующая за последней битвой между богами и хтоническими чудовищами. По учению Храма Солнца, Катаклизм являлся предвестием Рагнарёка, однако милость и сострадание Всеотца оставили разрушение мира.

Скинфакси — конь Дагра, везущий повозку с Соль по небу.

Слейпнир — восьминогий конь Одина, дитя Локи.

Соль — богиня солнца, сестра Мани, бога луны.

Тангниостр — один из двух козлов Тора, везущих повозку Рыжебородого. Если Тор проголодается, он может зажарить козлов себе на угощение. При условии, что их кости были не тронуты, Тор благословляет останки козлов Мьёллниром, и они сразу же воскресают в целости и сохранности.

Тор — бог грома, своим молотом повергающий великанов и других чудовищ, покровитель кузнецов, защитник Мидгарда.

Фенрир — громадный волк, младший сын Локи и великанши Ангрбоды. Во время Рагнарёка ему предназначено убить Одина.

Хеймдалль — сын Одина, светлейший из асов, бог-страж радужного моста, соединяющего небо и землю.

Хвергельмир — кипящий поток в Нифльхейме, из которого вытекают двенадцать подземных рек. Расположен под третьим корнем Иггдрасиля.

Хель — повелительница мира мертвых, старшая дочь Локи и великанши Ангрбоды.

Хельгарт — мир мертвых, в котором властвует Хель. Это холодное, темное и туманное место. Хельгарт расположен в Нифльхейме, на самом низком уровне мира. Он окружен непроходимой рекой Гьёлль. Ни одно существо, даже боги, не может вернуться из Хельгарда.

Хёд — сын Одина, слепой ас, бог зимы. Враждует с Бальдром.

Хримфакси — конь Нотт, везущий повозку с Мани по небу.

Фимбульветр — трехлетняя зима, предшествующая Рагнарёку и завершающаяся концом света.

Фрейя — богиня любви и красоты, покровительствует плодородию, урожаю и жатве. Равных ей по красоте нет во всем мире ни среди богов, ни среди людей, а ее сердце так мягко и нежно, что сочувствует страданию каждого. В то же время Фрейя предводительница валькирий и повелительница войны — иногда у нее бывают приступы, из-за которых

ей позволительно собирать кровавую жатву; поэтому Фрейя может принести победу в битве.

Эйнхерии — лучшие из воинов, павших в битве, которые живут в Валгалле. В день Рагнарёка они сойдутся в битве с чудовищами и великанами.

Эйр — богиня врачевания, одна из старших богинь. Она помогала появиться на свет другим асам.

ГАЛЬТЫ

Кернунос — рогатый бог, покровительствующий плодородию. Также считается хранителем лесов и богом охоты.

Морриган — одна из богинь войны. Морриган не принимает участия в битвах, но присутствует на поле боя и использует все свое могущество, чтобы помочь той или иной стороне. Также ассоциируется с сексуальным началом и плодородием.

Тевтат — бог войны и крови, которому фении приносили в жертву людей.

НИРОНЦЫ

Аматэрасу омиками — богиня солнца, правительница Такамагахара, райских небесных полей.

Еми-но кунн — страна мертвых, мир вечной темноты.

Идзанаги — бог творения, супруг Идзанами.

Идзанами — богиня творения и смерти, супруга Идзанаги.

Кагуцучи — яростная ипостась Хомусуби, персонификация разрушительного огня.

Куроками — богиня тьмы, разрушений и ужаса.

Сусаноо — бог ветра и бури, появившийся из капель воды, которыми Идзанаги омыл свой нос после того, как вернулся из страны мертвых.

Хомусуби — бог огня, сын Идзанами и Идзанаги.

БХАТЫ

Индра — бог грома и войны, повелитель бхатских богов.

Кали — богиня смерти, разрушения, страха и ужаса, супруга разрушителя Шивы.

Кама — бог любви, как духовной, так и плотской.

Нарака — подземная совокупность адских измерений с различными областями наказаний.

Шива — олицетворение разрушительного начала вселенной и ее изменений.

ЧЖАНЫ

Великий Предел — в чжанской мифологии предельное состояние бытия, высшее начало, начало всех начал, до выделения сил инь — женской и ян — мужской.

РАЗНОЕ

Брахманы — каста жрецов у древних бхатов.

Гильдия инженеров — организация ученых, разрабатывающая технологии для Мидгарда. Является практически монополистом в сфере подготовки научных кадров. До недавнего времени выполняла во многом сервисные функции, но в последние годы активно заявляет о себе как о мощной политической силе.

Друиды — замкнутая каста жрецов у древних гальтов, тесно связанная с правителями северных островов.

Душеведение — дисциплина, изучающая мотивы человеческой деятельности, особенности поведения, глубинные желания и всё, имеющее к вышеперечисленному непосредственное отношение. Ориентирована сугубо на практическое применение. К накопленному массиву информации имеют доступ только члены ордена Небесного Ока, что порождает невероятное количество легенд и баек о способностях душеведов. В действительности возможности практики сильно ограничены, и нередко сбои даже в наработанных схемах. И все же хороший душевед, наделенный к тому же природной проницательностью и интуицией, действительно может иногда поражать окружающих, демонстрируя так называемое «чтение мыслей», не имеющее ничего общего с псионикой. Обращает на себя внимание особенность изучения дисциплины. В отличие от обезличенной системы преподавания, которую практикуют в Гильдии инженеров, обучение душеведению индивидуально. Знания передаются от учителя к ученику как некая сакральная тайна.

Кшатрии — каста воинов у древних бхатов.

Лауфара — съедобные сине-зеленые водоросли, обильно произрастающие на теплых южных отмелях. Вкусны как сами по себе, так и в составе блюд. В высушенном виде являются хорошей основой для сухого пайка — сытные, почти ничего не весят, прекрасно сочетаются с любой пищей, разбухают в желудке и создают чувство сытости.

Микадо — титул императора у древних ниронцев. Сохранившийся с позволения конунгата императорский дворец микадо является культурно-историческим и архитектурным памятником Десяти островов.

Ожерелье — наименование группы островов, находящихся вблизи друг от друга. В Ожерелье могут входить от трех до тридцати островов. Ожерелье обычно именуется по названию главного острова группы.

Псионика — магия, используемая ранее друидами гальтов, теперь же развивается и исследуется в подчиненном конунгату особом корпусе. Основывается на внутренних возможностях сознания. Самые распространенные ее виды: телепатия, психокинез, иллюзии.

Самураи — военно-феодалное сословие мелких дворян у древних ниронцев.

Солнцегриб — искусственно созданный с помощью соматики организм; с точки зрения биологии — скорее губка, чем гриб. Произрастает в прибрежных гротах южных и юго-западных островов. Предок нынешнего солнцегриба обладал слабой способностью к свечению в темноте, которые были усилены благодаря соматическим воздействиям. Способен размножаться без соматического воздействия, но полученные особи утрачивают свечение. В данный момент солнцегрибы выращиваются в промышленных масштабах и используются на Архипелаге повсеместно, наравне с масляными лампами.

Соматика — магия, используемая Храмом Солнца. Благодаря специальным машинам, соматики заряжают свое тело энергией, которая применяется в различных областях — от медицины до науки и военного дела.

Торрак — бурые водоросли, волокнистые и более грубые на вкус, чем лауфара. В отличие от той же лауфары, свободно произрастает в северных широтах, исключая разве что совсем холодные территории. Наравне с рыбой торрак испокон века составляет основу рациона свандов и гальтов. Крестьяне выращивают торрак на прибрежных отмелях, собирают, высушивают и перемалывают. Из торраковой муки выпекают лепешки, более крупные кусочки добавляют в суп и похлебку.

Турс — исполин. Первоначально это было общее название для йотунов, инеистых, каменных и огненных великанов. В эпоху Нового времени так стали называть боевые машины конунгата.

Фенин — древние воины гальтов, члены фианны.

Фианна — священная военная дружина у древних гальтов,

в которой воинов обучали секретам боевых искусств и различным психотехникам.

Фордор (букв. «дарованная земля») — изначально так называли льендоры, пожалованные Харальдом Великим своим воинам за службу. Сейчас слово почти утратило изначальный смысл и чаще используется в значении «вотчина», «малая родина», «мой остров», а иногда и просто как синоним слова «остров».

Хольмганг — поединок двух воинов. В древние времена с него начинались празднества, погибший в схватке считался жертвой в честь богов. В более поздние времена стал регламентированным, воины договаривались о правилах заранее, непосредственно перед боем. Отказавшегося от поединка объявляли нидингом, что равнозначно статусу изгоя. Причинение смерти на хольмганге не считалось убийством. В Новое время поединок начал вестись до первой крови и обычно заканчивался уплатой определенной суммы победителю. Тем не менее традиция проводить хольмганги до смерти продолжает существовать у аристократов.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ПРИБЫТИЕ	5
Часть вторая. ПЕЩЕРА	80
Часть третья. УЧЕБА	167
Часть четвертая. МАРКЛАНД	409
<i>Вместо эпилога</i>	509
Всё о мире Мидгарда	
Хронология	519
Глоссарий	525